

THE KILLER #1

18+

НОВАЯ ШВЕДСКАЯ КОРОЛЕВА ДЕТЕКТИВА

МИКАЭЛА БЛЕЙ

МЕРТВА ДЛЯ ТЕБЯ

METAMORPHOSES

Микаэла Блей

Мертва для тебя

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71214142

М. Блей. Мертва для тебя: ООО «Издательство «Омега-Л»; Москва;

2023

ISBN 978-5-370-05319-1

Аннотация

Кэролайн замужем за любовью всей своей жизни, успешным предпринимателем Густавом, у них две замечательные дочери и идеальная жизнь.

Однажды жарким августовским днем беременная Кэролайн с дочками исчезает с виллы в Мальмё. Начинаются мучительные и запутанные поиски пропавших.

Вскоре становится ясно, что счастье содержит в себе печаль, а любовь граничит с ненавистью. И до убийства – всего один шаг.

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
Четверг. 13 августа	8
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Микаэла Блей

Мертва для тебя

Mikaela Bley

Dead to You (Död för dig)

© 2021 by Mikaela Bley

© Петруничева В. А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Омега-Л», 2023

* * *

Это роман. Хочу подчеркнуть, что все события и персонажи выдуманы и рождены исключительно моей фантазией. Возможное сходство с реальными событиями и обстоятельствами – чистая случайность. Однако я позволила себе использовать названия некоторых реальных мест и имена отдельных публичных персон, чтобы сделать историю как можно более правдоподобной. Я делала это с уважением и надеюсь, что не задела ничьих чувств. Характеры ряда персонажей книги заимствованы из жизни, но я изменила некоторые детали. Кое-где я позволила себе художественную вольность и изменила обычную работу полицейских, чтобы иметь возможность рассказать свою выдуманную историю.

Микаэла Блей

*Мы как раз то, чем хотим казаться, и по тому
должны серьезно относиться к тому, чем хотим
казаться.*

Курт Воннегут. «Мать Тьма»

Пролог

Грусть пронизывает каждый нерв. Больше всего на свете хочется заснуть и проснуться в другой реальности.

Ледяные голубые глаза с подозрением смотрят на женщину, сидящую за столом напротив. Мужчина снова просит ее воспроизвести последовательность событий, словно его не устраивают предыдущие версии ее рассказа. Либо он ожидает, что она собьется, либо у нее просто паранойя.

– Тело лежало под водой, – твердым голосом говорит она. – Я попыталась помочь и вытащить его... Пульса не было. Слишком поздно.

Этот сценарий она бесчисленное количество раз репетировала про себя. Если допустить малейший просчет, ее и всех их захлестнет волна обвинений. Никто не выберется живым, если она не будет придерживаться своей правды.

Истины.

Все они жертвы.

Если когда-нибудь в будущем кто-то узнает, на что ей пришлось пойти ради них, они простят ее.

Неожиданно из ниоткуда доносится нервный смех. Сухой дрожащий звук, в котором она совершенно не узнает собственный голос.

– Понимаю, как вам сейчас нелегко, – говорит Киллер.

Она поджимает губы и фыркает в ответ. Он никогда не

СМОЖЕТ ВОЙТИ В ЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ: ОТКУДА ЕМУ ЗНАТЬ, КАКОВО ЭТО
– УБИТЬ ЧЕЛОВЕКА?

Часть 1

Четверг. 13 августа

Густав

Скорость света – его единственное ограничение, напоминает он себе, встречая собственный взгляд на вставленных в золотые рамки обложках деловых изданий. Вся его карьера запечатлена на этих фотографиях, все его достижения.

Датские бизнес-аналитики в мятых дешевых костюмах по другую сторону стола из красного дерева, тупо уставившись на Густава, слушают его рассказ о будущей прибыли.

Густав бросает взгляд на наручные часы.

– Где же Расмуссен? – резко спрашивает он, не в силах дольше скрывать раздражение.

Он ждал этой встречи больше месяца, а Расмуссен даже не соизволил явиться лично. Это неуважение. Что ему обсуждать с этими овощами, у которых нет права принимать хоть какие-то решения по поводу инвестиций? GameOn, как ни крути, одна из самых быстрорастущих компаний на рынке компьютерных игр, и Густав уж точно знает об этом бизнесе

больше, чем кто-либо во всей этой проклятой Европе.

Год назад он послал бы этих датчан к черту.

Ему срочно нужен двойной эспрессо или что-нибудь покрепче.

Он встает из-за стола, и в ту же секунду раздается стук в дверь.

– Что там еще? – спрашивает он раздраженно, повернувшись к двери, в которую заглядывает покрасневшая Филиппа.

– Я... я прошу прощения, что побеспокоила, но вам звонят, и я думаю, вам надо ответить.

Филиппа работает у Густава уже третий год, а все еще нервничает в его присутствии. Всякий раз, когда она заговаривает с ним, ее щеки пылают, как два больших помидора. На собеседовании Густав сразу понял, что она не тот человек, который ему нужен, но она сидела перед ним, блондинка с каре и пухлыми губами и с заплаканными красными глазами, рассказывала, что недавно потеряла мать, – и у Густава не хватило духа ей отказать. То, что Филиппа до сих пор работает в компании, объясняется довольно просто: она всегда делает то, что велит Густав, не задавая ненужных вопросов.

– Кто звонит? – отрывисто интересуется Густав.

– Шведская полиция.

Он впивается в нее взглядом – неужели, черт возьми, нельзя быть немного поделикатнее? Звонок из полиции едва ли поможет ему довести этот инвестиционный проект до

желаемого финала.

– Они сказали, это важно.

Вздыхнув, Густав оборачивается к датчанам:

– Извините, я вынужден попросить вас подождать, пока я отвечу на звонок. Из-за нового закона об играх постоянно возникают некоторые сложности...

Густав отодвигает стул.

– Впрочем, мы ведь уже, пожалуй, закончили. Передайте Расмуссену, что мы закрываем возможность инвестиций на следующей неделе.

Ставки в игре высоки, но других вариантов практически не осталось. Проблема с финансированием должна быть решена.

– Филиппа, проводи, пожалуйста, гостей.

Не дав датчанам возможности ответить, Густав выходит из переговорной и идет по длинному коридору к своему кабинету в дальнем углу офиса.

Захлопнув дверь, он поправляет неровно висящую фотографию Майкла Джордана. «Не позволяйте себе руководствоваться слухами, просто следуйте тому, во что вы верите», – вспоминает Густав, садясь в кресло за своим рабочим столом. Какое облегчение – избавиться от необходимости пресмыкаться перед этими дебилами, которые не понимают его роли и значения всего того, что он создал, несмотря на то что Густав – единственный человек в Скандинавии, которому удалось собственными руками с нуля построить биз-

нес в области компьютерных игр, который сейчас стоит четыре миллиарда крон. Густав Йованович не должен ни перед кем пресмыкаться. Расмуссену и всей его капиталистической шайке нужно бросать ему вслед деньги и ходить колесом, чтобы только он позволил им инвестировать в его новый продукт.

Густав бросает взгляд на стену с фотографиями известных спортсменов, которые с детства были его идолами, ослабляет узел галстука, откидывает голову на спинку кресла, закрывает глаза и делает несколько глубоких вдохов и выдохов. Потом, выпрямившись, берет со стола телефон.

– Алло!

– Густав Йованович? – уточняет женский голос в трубке.

– Да, я, – говорит Густав, подходя к панорамному окну.

Солнце светит ему прямо в глаза, ослепляя на какое-то время. С пятнадцатого этажа видно пролив и мост между Данией и Швецией. Внизу, в гавани, посетители начинают заполнять веранды кафе.

– Меня зовут Мария Странд, я работаю в полиции Мальмё. Мы с коллегой находимся рядом с вашим домом на улице Густавсгатан. Где вы сейчас?

– В моем офисе в Копенгагене. Почему вы спрашиваете? Что-то случилось?

– Вы знаете, где ваша жена Каролина?

– Что? – Густав отгибает пластину жалюзи, повторяет: – Почему вы спрашиваете?

– К нам поступило заявление об исчезновении вашей жены и двух дочерей, Астрид и Вильмы. Когда вы в последний раз говорили с женой?

Сердце Густава замирает.

– Вчера вечером. Заявление? От кого?

Густав смотрит на часы: начало двенадцатого.

– Итак, вы не разговаривали с женой или детьми сегодня?

– Нет, у меня все утро были встречи... Что с ними?

– Мы пока не знаем, поэтому хотели бы, чтобы вы как можно скорее приехали домой и открыли дверь, чтобы мы могли осмотреть дом.

– Простите, не понял.

– Нам нужно как можно быстрее попасть в ваш дом, чтобы проверить, не ранены ли ваша жена и дети. Возможно, поэтому они не могут открыть дверь или ответить на наши звонки. Может быть, ключи есть у кого-то из соседей?

– Только у моей матери, я ей позвоню. Она живет в западной части города, но я не знаю, дома ли она.

– Хорошо. Вы можете отследить, где находится телефон вашей жены?

– Нет, к сожалению, не могу. Мы не устанавливали таких приложений.

Густав пытается припомнить, что Каролина и девочки собирались делать сегодня днем.

– Это, наверное, какая-то ошибка, – говорит он.

– По словам подруги вашей жены, она собиралась уви-

дется с Каролиной и вашими дочерьми два часа назад, – говорит полицейская, – но Каролина не пришла на встречу, не отвечает на телефонные звонки и не открывает дверь, в которую мы звоним.

– Наверное, она куда-то поехала; может быть, забыла про встречу?

– Мы видим ее сумочку на кухне, и машина стоит в гараже. Это обеспокоило подругу Каролины и нас, учитывая состояние здоровья вашей жены. Через сколько вы можете быть здесь?

– Я могу добраться до дома минут за тридцать, наверное, но...

– Отлично. Тогда до скорой встречи.

Разговор окончен, и Густав несколько секунд бессмысленно смотрит на телефон. Потом приходит в себя, закрывает ноутбук и одергивает пиджак. Перед уходом он бросает взгляд на фото на столе. Оно сделано прошлым летом, когда они навещали бабушку Густава и его родню в Боснии. Вильме исполнилось пять лет, и для нее устроили праздник на пляже Неум. Круглые личики перемазаны шоколадным мороженым, закапавшим белые кружевные платица. За спиной у девочек стоит Карро в черном бикини и смеется.

Каролина ненавидит эту фотографию, считает, что выглядит на ней бледной и толстой, но Густаву она поднимает настроение. Она живая. Настоящая.

Он прижимает руку к груди и сильно надавливает пальца-

ми на диафрагму, чтобы замедлить сердцебиение. Все уладится, думает он, перепроверяя, на месте ли ключи и кошелек, и кладя в карман мобильный. Второй смартфон он, видимо, забыл дома, когда уезжал на работу. Выругавшись про себя, Густав быстро направляется к выходу.

– Мне срочно надо в Мальмё по одному делу, – говорит он секретарше. – Отмени встречу в обед и, знаешь, если позвонит аудитор, скажи ей, что я напишу на следующей неделе. Она поймет.

– Хорошо, – отвечает Филиппа, – но, послушай, что нам делать с...

– Разберись сама, – бросает он и вызывает лифт. – Назначь новую встречу с Расмуссеном. И еще – проконтролируй, чтобы он пришел.

Спускаясь в пустом лифте, Густав просматривает входящие звонки. Несколько пропущенных от Иды и полиции, но ни одного от Карро.

Он находит номер матери и звонит. После десяти гудков сдается и кладет трубку. Его захлестывает неприятная волна беспокойства. Мама всегда отвечает на его звонки.

Густав решает проверить приложение сигнализации и убеждается, что камеры видеонаблюдения дома выключены, как он и думал. Тогда он набирает номер Карро.

После нескольких гудков включается автоответчик: «Привет, вы позвонили Каролине Юртхувуд-Йованович. К сожалению, я сейчас не могу ответить...» Густав кладет

трубку и звонит снова. Снова автоответчик.

– Привет. Это я. Где ты? Около нашего дома полиция. Позвони мне, как только сможешь. Целую.

Он вытирает пот с шеи, нажимает на кнопку «Позвонить» и ждет сигнала.

– Карро, ну же, перезвони. Я волнуюсь. Девочки с тобой? Позвони мне. Люблю тебя.

Каролина

Дверь заперта, и ключи не подходят.

«Это я, это мама», – кричит она и мечется вокруг дома.

Чувствуется слабый запах дыма и выхлопных газов.

Она подносит руки к оконному стеклу и щурится, чтобы разглядеть, что там в гостиной.

Комната выглядит заброшенной, как будто жильцы покидали ее в спешке.

На столе стоят полупустые стаканы с виски, под столик на колесиках закатилась пустая бутылка. На гигантском постере с Мухаммедом Али зияет огромная дыра. Пепельница на стеклянном столике полна окурков.

Густав считает курильщиков идиотами, он никогда не позволил бы никому закурить в их доме.

Каролина делает несколько шагов назад. Все теперь выглядит иначе.

Тиковая мебель на террасе перепачкана, а между плитка-

ми пробивается трава. Двери веранды тоже невозможно открыть. Наверное, кто-то поменял все замки.

Она не понимает.

Она стучит в окна, стекла дребезжат в ответ.

Она лихорадочно ищет взглядом что-то, чем можно разбить окно, и видит, что сад зарос, стволы деревьев покрыты мхом, а огромная ветка старого дуба, сломавшись, упала на оранжерею и перебила в ней стекла. Растения вырвались на свободу через разбитый потолок, и их побеги торчат из щелей.

Что происходит? Каролина мечется туда-сюда.

В бассейне нет воды. На дне лежат сгнившие листья и сдутый грязный единорог ее дочерей. Детский батут исчез.

«Густав!» – кричит Каролина, но шум волн заглушает все звуки.

Белая каменная стена, окружающая сад, растрескалась в нескольких местах, и через дыры виднеется берег моря. Сердце колотится в груди.

По земле разбросаны пустые пивные банки. Все захвачено паразитами. Ее дом превратился в руины, куда стягивается всякий сброд. Что скажут люди, если увидят виллу в таком состоянии?

Запах дыма усиливается, и Каролина задирает голову, чтобы рассмотреть фасад. Из окон верхнего этажа вырывается пламя.

Девочки!

Каролина бросается к дому, но поскользывается на мху. Ей удастся быстро подняться, она зовет на помощь, но поблизости нет ни души. «Скорее, – проносится у нее в голове. – Думай. Что нужно делать?» У нее нет телефона, вообще ничего нет.

Огонь бушует внутри. Дрожащими руками Каролина подбирает камень и бросает его в окно. Осколки стекла летят на дорожку, и дым вырывается наружу. Жар отбрасывает Каролину назад.

Вильма зовет ее из глубины дома, и откуда-то доносится слабый кашель Астрид.

– Я иду! – кричит Каролина. – Иду!

Из ран на руках течет кровь – Каролина порезалась о разбитое стекло, когда пыталась попасть в дом. Дым разъедает глаза, но она все равно лезет через маленькое отверстие в окне. Внутри этого ада едва возможно дышать.

– Нет! – восклицает Каролина, когда кто-то хватается за нее и тащит в сторону. – Пустите! Мои дети там, внутри!

Она снова кричит и лягается. Кто-то хватается за волосы и тащит по рассыпанным осколкам.

Она потеряет все. Вообще все.

Каролина просыпается в холодном поту. «Это был всего лишь кошмарный сон», – думает она.

Всего лишь сон.

Ее голова стянута какой-то тряпкой, закрывающей глаза. Руки связаны за спиной. Каролина не может пошевелить

ни руками, ни ногами. Кто-то обездвижил ее.

Она хочет закричать, но ей мешает какой-то предмет во рту. Такое ощущение, будто это скомканный кусок ткани.

Под ней что-то вибрирует, издавая звук, похожий на шум мотора. Каролина пытается повернуться, но ей не удается, слишком тесно.

У нее перехватывает дыхание.

«Где я? – думает она. – Где Густав и девочки?»

Густав

Мышцы сводит судорогой, когда он сворачивает на Густавсгатан.

Он доехал из Копенгагена в Мальмё за двадцать минут. Густав всегда лихачит, когда ведет машину, но в этот раз он превзошел себя и не помнит ничего, кроме того, что в Копенгагене проехал на красный.

После этого в памяти чистый лист.

Он проезжает мимо шикарных домов, которые были недоступны ему, когда он был ребенком. Он помнит, что в детстве не мог представить себе, что за люди живут в них и какая у них, должно быть, идеальная жизнь.

Густав в тридцатый раз набирает номер Карро. После гудков снова и снова включается автоответчик.

– Карро, черт побери, ответь же! – орет он и кладет трубку.

Возле калитки, перекрывая въезд, стоит полицейская машина, так что Густаву приходится припарковаться ниже по улице около каменной стены напротив их сада, с трудом втиснувшись между двух автомобилей.

Двое полицейских в синей форме подходят к Густаву. Он делает глубокий вдох и отстегивает ремень безопасности. На улице ужасно жарко, Густаву кажется, что его стошнит.

– Я Густав Йованович. Вы что-нибудь узнали? – говорит он, захлопывая дверь и одергивая пиджак.

Оглядевшись, он обходит машину и направляется к рыжеволосой полицейской и ее коллеге-мужчине.

– Мария. Это я звонила вам сегодня, – говорит женщина и протягивает Густаву правую руку.

Ее левая рука лежит на животе, и видно, что женщина беременна.

Густав снимает темные очки, быстро кивает веснушчатой женщине с высокими скулами, которая кажется ему староватой для беременности.

– Это мой коллега Карим, – говорит Мария, жестом указав на молодого и очень худого парня.

– Я не дозвонился до матери и выехал сразу. Гнал изо всех сил.

Густав никогда не испытывал доверия к шведской полиции, она всегда относилась к нему с подозрением, так что их озабоченность удивляет его.

– Должно быть, все это объясняется как-то совсем просто.

– Подруга Каролины Ида сообщила нам, что у вашей жены диабет и что с ней дети, – поясняет Мария. – Поэтому нам надо попасть в дом как можно скорее.

Судя поговору, она выросла в Мальмё, и Густав готов побиться об заклад, что ее отец и еще несколько поколений предков работали в полиции и наблюдали, как меняется жизнь в городе.

– Вы обзвонили больницы?

– Мы рассматриваем все варианты, – говорит Карим. – У вас есть удостоверение личности?

– Конечно.

Густав достает бумажник и показывает водительские права Кариму.

– Спасибо. У вас есть еще машины, кроме вашей и белого «лендровера» в гараже? – спрашивает Карим по дороге к входной двери.

– Нет, – отвечает Густав, идя следом к дому.

– Могли они куда-нибудь пойти? – спрашивает Мария, обгоняя их на гравийной дорожке.

Коляска и велосипед с корзинкой для ребенка стоят около дома.

– Нет, у Карро из-за беременности болит поясница, она почти не ходит пешком...

– Вы звонили родственникам и друзьям, людям, у которых может сейчас находиться ваша жена? – уточняет Карим.

Парень наверняка сирийского происхождения, но родил-

ся, скорее всего, в Швеции, судя по произношению. Только, в отличие от Густава, ему при рождении не дали имени, которое должно было помочь ему раствориться в шведском обществе.

– Я не успел, я очень быстро вел машину и...

Густав хочет что-то добавить, но не знает, с чего начать.

– Кто у нее ближайшие друзья? – продолжает задавать вопросы Карим.

– Ида.

– Каролина могла пойти к кому-то еще?

Густав задумывается.

– Карро общительная, но у нее не очень много близких друзей.

Он замолкает, увидев Иду, сидящую на лестнице у входа в дом. Она встает и поправляет узкую джинсовую юбку. Челка почти скрывает глаза.

– Густав, что могло случиться?

Она обеспокоенно смотрит на него.

– Мы с Карро договорились встретиться в девять в «Эспresso-хаус», но она не пришла. Я ждала больше часа. Ты же знаешь, Карро никогда не опаздывает. И она не отвечает на звонки. Я очень волновалась и позвонила в полицию.

– Успокойся, – бросает Густав и ускоряет шаг.

– Не могу, – всхлипывает Ида. – Она позвонила мне вчера вечером, говорила возмущенно, но отказалась объяснить, в чем дело. А вдруг произошло что-то серьезное?

Оставив Иду без ответа, Густав достает из кармана ключ. Рука дрожит, когда он поворачивает его в замке.

– Карро! – кричит он.

Войдя в дом и положив ключ на круглый столик в холле, Густав отмечает, что ключи Каролины лежат на зеленом фарфоровом блюде. По привычке он берет их и кладет в карман.

– Это полиция, есть кто-нибудь дома? – кричит Мария, проходя внутрь. – Э-э-эй!

Тишина. Ни звука.

Густав снимает пиджак, кидает его на кресло и расстегивает верхнюю пуговицу рубашки. В зеркале он видит, как Карим сначала смотрит на него, а потом переводит взгляд на камеры наблюдения под шестиметровым потолком.

Густав отпускает про себя ругательство, расстегивает запонки и кладет их на блюдо.

– Я посмотрю наверху, – говорит Ида и быстро поднимается по лестнице.

Солнце ярко светит в большие окна, выходящие на море, и в доме, кажется, еще жарче, чем на улице.

– А ее родители? Где они живут? – спрашивает Карим.

– В Стокгольме. Они почти не общаются.

– Здесь есть подвал?

Мария открывает двери шкафов в холле.

Густав показывает на дверь рядом со шкафами.

– Там лестница вниз.

На крючках висят джинсовые куртки и кепки девочек, но

розовых ботинок на месте нет.

Густав идет напрямиком в гостиную, открывает двери на веранду и оглядывает сад. На террасе пусто. Легкий ветерок нагоняет рябь на воду в бассейне и подгоняет надувного единорога, плывущего к ступенькам. Густав вздрагивает.

С берега доносятся смех и крики купающихся детей, но в саду полная тишина. Детские самокаты валяются на дорожке.

– Астрид, Вильма! – кричит Густав, а потом бежит к раздевалке, распахивает двери и заглядывает под скамейки, где девочки часто прячутся, но не в этот раз.

В оранжерее тоже пусто. В сиреневой беседке никого. Калитка, ведущая к морю, заперта. Остается все меньше мест, где могут находиться Карро и девочки.

Спустя несколько минут Густав возвращается в дом и идет в библиотеку. Окидывает ее взглядом и направляется в столовую.

– Когда вы в последний раз видели жену? – спрашивает неожиданно появившийся за спиной у Густава Карим, который как будто следит за ним.

– Вчера утром, когда я уезжал на работу.

Густав останавливается и смотрит на часы «Ролекс» Карима, явно поддельные.

– Но как я уже сказал, мы созванивались вчера вечером. Я не помню, во сколько точно, но я звонил сказать девочкам «спокойной ночи», так что, думаю, это было около восьми.

– Голос жены не показался вам странным? Она не говорила ничего необычного?

– Нет, – подумав, отвечает Густав. – Моя младшая дочь, Астрид, рассказала, что сумела проплыть весь бассейн от края до края. Она была очень рада и гордилась этим. Она все лето изо всех сил училась плавать, так что я пообещал, что она получит сюрприз, когда я сегодня вернусь домой.

Густав чувствует жжение в груди.

– Значит, сегодня вы не ночевали дома?

– Нет, я ведь работаю в Копенгагене.

Ответив, Густав направляется на кухню.

– Моя компания активно развивается, так что мне приходится много работать. Иногда я задерживаюсь допоздна и могу переночевать на диване в офисе, чтобы с утра начать пораньше.

– На нижнем этаже никого, – сообщает Мария, вернувшаяся из подвала. – Она часто уезжает не предупредив?

Густаву не нравится взгляд, который Мария бросает Кариму.

– Точно не без этой сумочки, – отвечает он и открывает «Шанель» Каролины, лежащую на кухонном столе.

Среди влажных салфеток, пакетика с изюмом и прочей ерунды в самом низу Густав находит кошелек и достает из него по очереди несколько пропусков, банковские карты и кредитки. Всё на месте, даже водительские права. Не хватает только смартфона.

Густав переворачивает сумочку и вытряхивает содержимое на мраморный стол, тяжело дыша.

– Она сможет обходиться без инсулина всего несколько суток, – глухо говорит он. – Может быть, меньше, потому что она беременна.

Он пытается вспомнить, что говорила акушерка, но тщетно.

– Вообще, ей нужно несколько доз в день.

– И вполне возможно, что со времени, когда кто-то в последний раз контактировал с Каролиной, прошло шестнадцать часов, – констатирует Мария.

– Наверху их нет, – сообщает Ида, спустившись со второго этажа. С лица сбегает краска, когда она видит на столе содержимое сумочки.

– Ее лекарство!

Ида отбрасывает челку и громко дышит, обмахиваясь руками, словно веером.

– Что будет, если она не сделает укол? – спрашивает Карим, изучая содержимое сумочки на столе.

– Это плохо для нее и ребенка, Карро может умереть, – отвечает Густав, растирая шею.

– Может быть, у нее с собой другой шприц?

Густав качает головой.

– Не знаю. Надеюсь, что так... Они должны быть где-то здесь!

Он сомневается в том, что Ида и полиция искали везде и

как следует, и бежит на второй этаж.

– Посмотрите в гараже, – кричит он с лестницы.

Густав распахивает дверь детской, но там никого. Постели застелены, в комнате убрано, но любимых мягких игрушек девочек на месте нет.

– Карро? Ты дома? – зовет он и бежит в их спальню.

Там он внимательно осматривает пустую комнату и, как обычно, идеально застеленную кровать. Куда же он положил второй телефон? Его необходимо найти, думает Густав и замечает, как что-то блестит на подушке.

– Что там еще? – вполголоса произносит он и вдруг понимает, что это обручальное кольцо Карро.

За все время их совместной жизни Густав ни разу не видел, чтобы она его снимала. Он смотрит под подушками, нет ли там еще и кольца, которое он подарил ей на помолвку.

– Вы что-то ищете?

Густав резко оборачивается и встречается взглядом с Каримом.

– Нет.

Он поправляет подушку, быстро засовывает кольцо в карман и выходит из спальни.

– Ничего не понимаю, – говорит он Кариму, который следует за ним по пятам.

– Здесь ничего не пропало? Может, вещи для поездки на пару дней?

– Нет мягких игрушек девочек. Кролика Астрид и Виль-

миной куклы Китти. Они всегда таскают их с собой. И еще обуви – ботинки девочек исчезли.

Густав открывает двери шкафов, потом заходит в кабинет. Собравшись выйти оттуда, он вдруг возвращается к письменному столу и выдвигает ящик. На самом верху лежат все три паспорта. Со вздохом облегчения Густав передает их Кариму.

Однако его второго телефона там нет.

Они с Каримом спускаются вниз, и Густав пытается думать, но мозг отказывается работать.

– Нашли что-нибудь? – спрашивает Ида, когда они заходят на кухню.

Густав качает головой.

– Да что же это такое? – восклицает Ида, неотрывно глядя на Густава. – Она бы никогда не уехала вот так вот!

– Успокойся, – говорит Густав, бросив на нее быстрый взгляд.

– Каролина работает? – спрашивает Мария.

– Да. Точнее, она актриса, но сейчас у нее, можно так сказать, период между фильмами, поэтому она целыми днями сидит дома, да и у девочек пока еще летние каникулы...

– Где телефон? – прерывает их Ида. – Каролина и метра не прошла бы без него, – продолжает она с одним из своих непонятных выражений лица.

– Попробуйте позвонить еще раз, – советует Мария.

Густав опирается на кухонный стол и выуживает из кар-

мана мобильный.

– Замолчите все! – распоряжается он и просит *Сири* набрать номер Карро.

Через несколько секунд он слышит жужжание где-то неподалеку. Он идет на звук, доносящийся из гостиной, кажется, с дивана. Густав быстро направляется к нему и между подушек находит вибрирующий смартфон. Едва он успевает дотянуться до него, как Мария вырывает телефон у него из рук.

– Что вы делаете?

– Извините, мы должны забрать его, – говорит Мария с враждебными нотками в голосе.

Густав вопросительно смотрит в ее прищуренные глаза.

– Нам надо задать вам еще несколько вопросов. Карим! Звони и зови подкрепление.

Каролина

Мотор стихает. Недавно ей показалось, что хлопнула какая-то дверь. Время от времени она слышит, как мимо проезжают машины.

Моментами она едва решается дышать, а временами на нее накатывает страх, и она пытается освободиться от пут, но веревка туго стягивает запястья и щиколотки. В багажнике слишком тесно, так что ей даже повернуться не удастся. Должно быть, она заперта в маленькой машине; будь это

внедорожник или комби, было бы больше места.

Мне надо выбраться наружу, думает Каролина, борясь со слезами.

Она считает, что нет ничего хуже тесных помещений. В детстве ее брат запирали ее в шкафу, и иногда ей приходилось сидеть в темноте несколько часов, пока ее не находили.

Каролина извивается и подтягивает свои голые босые ноги к животу. На ней надето что-то шелковое – ночная рубашка? Она пытается воскресить в памяти последние события, но понятия не имеет, как здесь оказалась.

Риск похищения с целью выкупа преследовал ее всегда. У всего есть цена – с этой мыслью она росла. Ее отец убежден, что все хотят дотянуться до его денег, так что держится за каждую крону. Дедушка был не просто богат, он принадлежал к числу самых состоятельных дворян в Швеции, и после его смерти имение недалеко от Упсалы перешло по традиции к старшему сыну – дяде Каролины. Хотя ее отец прекрасно знал, что все достанется брату, чувства его были задеты. Он утратил большую часть гордости и идентичности, когда ему пришлось покинуть зубцы и башни старинного дома, под чьей сенью прошло его детство. Свою новую идентичность он обрел в деньгах. Ему удалось сколотить состояние и приобрести немало недвижимости. В Юрсхольме он построил дворец, вдохновленный архитектурой французского шато неподалеку от их летней виллы в Сен-Максими.

Но в те годы Каролина не принимала всерьез разговоры

о киднеппинге¹.

Только когда акциями компании Густава стали торговать на бирже и богатство их семьи стало очевидно, угрозы начали пугать Каролину.

К тому же она всегда чувствовала себя более уязвимой в Мальмё. Город так мал, что даже от их района, одного из самых дорогих, рукой подать до неблагополучных кварталов. Их шикарный дом находится на виду и выглядит чистейшей провокацией. В этом году Вильма должна пойти в первый класс, и Каролина попыталась убедить Густава переехать, но он отказался покинуть Мальмё и дом, о котором всегда мечтал.

Некоторые из их знакомых перебрались в другие места, чтобы дети пошли в хорошие школы. Каролина всякий раз вздрагивала при мысли о том, как злится Густав, когда она упоминает места, где хотела бы жить. А она всего лишь хотела, чтобы их дочери ходили в школу, где большинство учеников получают хорошие оценки, а не в ту, где больше половины не сдадут экзамены.

Вильма, ее первенец, ее любимая дочурка, которая не хочет ничего упустить, знает все, что происходит вокруг, и всегда старается быть примерной девочкой. Такая послушная и податливая в одни минуты и вспыльчивая в другие. Совсем как сама Каролина. Она хочет обнять дочку и сказать ей, что

¹ Похищение людей (преимущественно детей) с целью получения выкупа. — *Здесь далее примеч. ред.*

любит ее больше жизни, и пообещать стать хорошей мамой. А вдруг у нее больше никогда не будет возможности исправить свои ошибки?

Она надеется, что Вильма заботится о своей младшей сестренке. Об Астрид, этом маленьком урагане, что живет в собственном мире фантазий и в отличие от старшей сестры совершенно не умеет мыслить последовательно, но так полна любви и милого смеха.

Если кто-то хоть пальцем тронул ее семью, Каролина убьет этого человека.

На нее накатывает тошнота, и она пытается вспомнить, когда последний раз делала инъекцию инсулина, но даже не представляет себе, какой сегодня день и как долго она находится взаперти. Единственное, что она знает точно, – без лекарств ей может стать очень, очень плохо.

Киллер

Солнце слепит глаза, когда он выходит из подъезда.

В арабской закусочной очередь из вышедших на обеденный перерыв оказывается длинной, да и запах тмина не улучшает самочувствия. На скамейке неподалеку расположились представители той части общества, которая уже с утра начала потягивать свое пиво. В парке напротив группа мужчин проводит тренировку по капоэйре, и вокруг их ног носятся маленькие дети. В его времена отпуск по уходу за ребенком

выглядел иначе.

Карта в телефоне показывает, что ему надо свернуть налево.

Полицейское управление находится в самом центре города, всего в пятнадцати минутах ходьбы от квартиры, которую он приобрел.

Давненько он не бывал в Мальмё, центральная часть города сильно изменилась с тех пор. Эклектичная архитектура, смесь из домов начала прошлого века в английском стиле, современных зданий с четкими прямыми линиями и серых бетонных строений – все свидетельствует о том, что город разрастается.

Он заходит в небольшое кафе, покупает черный кофе с собой. Паренек за прилавком пытается уговорить его взять сэндвич с сыром, но у него нет аппетита.

По дороге он проходит мимо продуктовых магазинчиков, тату-салонов, ресторанов с кухней со всего мира, бутиков и попрошайек на каждом углу. Рядом проносятся подростки на скейтбордах. Бедность, маргинальность, безнадега и радость уживаются на одной улице. Даже эта короткая прогулка говорит о том, что Мальмё – это мини-версия мегаполиса. Здесь живут люди с корнями в почти двухстах странах.

Он делает глоток кофе и идет вдоль канала.

Тепло, даже слишком. Последняя кружка пива вчера была лишней. Да и предпоследняя, уж коль на то пошло. Похмелье стучит в висках. Ему совершенно определенно уже

не двадцать лет.

И главное – не надо было вести к себе домой ту женщину. Чем он думал вообще?

Мышцы напрягаются, и единственное, чего он хочет, это шарахнуть обо что-нибудь кулаком. Как ни старайся, не получается не думать о ее мягком, теплом теле, длинных черных волосах, смехе. Черт. За двадцать лет брака он ни разу не притронулся к другой женщине. И уже забыл, как сильно это может затронуть чувства. И теперь в груди молотом стучит беспокойство. Остается только сделать вид, что ничего этого не было.

Он же даже не знает, как ее зовут, и они больше никогда не увидятся.

Он допивает кофе и выбрасывает бумажный стаканчик в урну рядом с полицейским управлением. Поднимает голову и медленно скользит взглядом по унылому серому зданию с кирпичным фасадом. Итак, вот его новое место работы.

Год пролетит быстро, пытается он убедить себя. Он переехал не по своей воле, но другого выбора у него все равно не было.

Он очень благодарен коллегам за то, что они все замаяли, иначе его карьере пришел бы конец.

У входа стоят вооруженные полицейские. Ситуация в Мальмё отличается от других городов страны. Перестрелки со смертельным исходом в общественных местах стали здесь обыденностью, и за последнее время произошло несколько

нападений на полицейские участки. Преступные группировки растут, и на руках находится слишком много оружия.

Он быстро проводит рукой по волосам, все еще влажным после тридцатисекундного душа, и смотрит на свою мятую футболку. Надо было распаковать вещи вчера, но, переступив порог новой квартиры, он через несколько минут почувствовал панику и вышел в город. Там он забрел в классический рыбный ресторан, где и встретил ту женщину, из-за которой совершенно потерял голову. Как можно быть таким идиотом, думает он снова, уступая дорогу двум пожилым дамам, выходящим из стеклянных дверей управления.

У него еще есть в запасе несколько минут, когда он подходит к пункту охраны на входе в здание.

– Здравствуйте, у меня назначена встреча с Габриэлой Линд, начальником отдела тяжких преступлений.

– Она вас ждет? – уточняет дежурная, строго глядя на него.

Судя по взгляду, она терпеть не может стокгольмцев вроде него.

– Надеюсь, что да, ведь именно она наняла меня на работу.

Он выдавливая из себя улыбку и чувствует, что уже соскучился по коллегам из стокгольмской полиции.

– Понятно.

Женщина быстро сверяется с экраном компьютера, потом смотрит на него.

– Хенрик Хедин?

– Совершенно верно, – отвечает он и кладет на стойку свое удостоверение.

– Спасибо, я вас узнала, – улыбается дежурная. – Добро пожаловать. Внесите свои данные в компьютер, вот здесь.

Он выполняет просьбу и дважды перепроверяет адрес в смартфоне.

– Прекрасно. Я сообщила Габриэлле, что вы пришли. Она сейчас спустится, присядьте и подождите ее здесь.

Он кивает.

Какая же жара. Ему бы надо снова принять душ.

Под пристальными взглядами окружающих он садится на скамью под большим окном, которое выходит на парковку. Неуютно. Конечно, на него часто пялятся, но сегодня ему хочется стать незаметным. В виде исключения. Он собирается встать, и тут у него в кармане вибрирует телефон.

Он вынимает мобильный из джинсов и отвечает на звонок.

– Хенрик, это Габриэлла из тяжких, полиция Мальмё. Я прошу прощения, мы собирались вместе пообедать и я планировала ввести тебя в курс дел, но мне срочно нужна твоя помощь.

– Прямо сейчас?

– Да. Каплан, твоя новая напарница, ждет тебя в машине на парковке у входа. По дороге она расскажет о деле.

Хенрик поворачивает голову и видит за окном, выходящим на парковку, черный «вольво».

– У меня даже нет при себе служебного оружия, бронежилета или что там еще может понадобиться.

– Добро пожаловать в Мальмё, регион с самой большой нехваткой полицейских. Увидимся позднее.

Хенрик стоит, уставившись на телефон. Габриэлла уже положила трубку.

Он неохотно поднимается со скамьи и идет к стеклянным дверям. Лучше делать то, что сказали, по крайней мере в первый день.

* * *

Во рту сухо, и Хенрик жалеет, что не купил колу или что-то вроде того. Обойдя «вольво», он открывает дверь со стороны пассажирского сиденья и наклоняется.

– Привет! Мне сказали, я должен...

Встретившись взглядом с карими глазами, Хенрик замирает, у него холодеет в животе. Он резко распрямляется и бьет рукой по крыше машины.

– Какого черта!

Он делает несколько глубоких вдохов, чтобы собраться с мыслями, и через несколько секунд снова заглядывает в открытую дверцу.

– Ты-то что здесь делаешь? – спрашивает он. – Каплан?

– Да, Лея Каплан. Я здесь работаю. А вот ты что здесь делаешь?

У нее на лице такой же шок, как у него.

– Я тоже здесь работаю. С сегодняшнего дня.

Лея смотрит в свой телефон.

– Это ты, что ли, Хенрик Хедин?

– Да.

– Что? – восклицает она, не глядя на него. – Вчера ты назвался другим именем и сказал, что приехал тренировать футбольную команду.

Пальцы ее рук, сжимающих руль, белеют.

– Почему ты не сказал, что ты следователь?

– Могу задать тот же вопрос тебе. Почему ты не сказала, что работаешь в полиции?

– Ну, я хотя бы не врала и не вела себя как свинья. Залезай в машину. Мы спешим.

Она взбешена, и его это не удивляет. Он не только соврал ей о себе, но и сегодня утром повел себя отвратительно. Они проснулись в его постели, голые, крепко прижимаясь друг к другу под влажной простыней, и он ледяным голосом попросил ее уйти. Но откуда же ему было знать, что им предстоит работать вместе! Это какое-то невыносимое совпадение. Черт, и как ему опять удалось так влипнуть?

Хенрик садится в машину, пристегивается ремнем и вытирает ладони о джинсы.

– Ничего из того, что произошло сегодня ночью, не было, окей? – говорит Лея и жмет на газ.

– Хорошо.

Хенрик держится за ручку двери и ругается про себя, косясь на ее руки. Тонкие пальцы, золотистая кожа, и он думает о том, как эти пальцы касались его. Ни колец, ни украшений. Никаких деталей, которые могли бы что-нибудь о ней рассказать. Собственно говоря, он не знает о ней абсолютно ничего, и так и должно быть. Но это не помогает. Ее близость воздействует на него так же, как ночью в баре, где на него нашло то самое умопомрачение.

– Куда мы едем? – спрашивает Хенрик, отвернувшись и глядя в окно.

– Район Лимхамн. Пропали тридцатилетняя Каролина Юртхувуд-Йованович и ее двое детей.

– Актриса?

– Да, она.

Не включив поворотник, Лея сворачивает на улицу с рядами невысоких многоквартирных домов по обе стороны.

– Каролина собиралась увидеться с подругой Идой Столь сегодня в девять утра, но не пришла на встречу.

Хенрик кивает.

– Каролина на двадцать первой неделе беременности, и у нее диабет первого типа, так что если она не сделает укол инсулина, и она, и ребенок могут умереть. Наши коллеги осмотрели дом. Мобильный Каролины в доме, как и ее сумочка с кошельком, лекарством и прочими вещами. Ворота гаража не заперты, но машина на месте.

– Никаких следов борьбы?

– Нет.

Лея качает головой, ее темные волосы струятся по плечам. Интересно, сколько ей лет. Лет на десять моложе Хенрика; наверное, немного за тридцать.

– Когда последний раз была на связи?

– После восьми вчера вечером.

Хенрик смотрит на часы.

– Семнадцать часов назад. Муж?

– Густав Йованович, тот тип, который заработал кучу денег на онлайн-играх.

– Знаю, – говорит Хенрик и представляет себе заносчивого Йовановича. Вырос в иммигрантском районе Мальмё, миллионер, достигший всего сам, с нуля.

– Густав, насколько я понимаю, открывает новую компанию и работает в Копенгагене. Сегодня он ночевал в офисе и в последний раз видел свою семью вчера вечером, когда созванивался с ними в Фейстайме.

– Больницы?

– Ни в одной из ближайших их нет. Мы открыли дело о подозрении на похищение, и оно, конечно, входит в число приоритетных из-за детей и из-за того, что семье и раньше угрожали, когда компания Густава вышла на биржу и его состояние заметно выросло. На данный момент Каролина и дети числятся пропавшими, но мы не исключаем, что она могла исчезнуть по собственному желанию или совершила преступление.

Хенрик глубоко вздыхает. Нет ничего сложнее, чем расследовать преступления, жертвами которых являются дети. У него уже почти не осталось сил этим заниматься.

– Мы что-то знаем о более ранних контактах Густава или Каролины с полицией или психиатрами?

– Подростком Густав попался на какой-то пустяковой афере, вроде как продавал поддельные куртки, но после этого ничего такого. Он двоюродный брат Асифа Николича, известного гангстера. Он один из главарей «Семьи», большой боснийской преступной группировки, которая действует в Мальмё и по всей округе.

– Понятно. Я в курсе, что такое «Семья».

Хенрик вспоминает полицейских, стоявших у входа в управление, и думает о Швеции, которая стала крупнейшим в Европе рынком нелегального оружия с Балкан. «Семья» уже давно обеспечивает его доставку по хорошо организованным каналам.

– Густав официально всячески отрещивается от своего брата и «Семьи». Он открыл центр для детей в доме, где рос сам, и вкладывает уйму денег в то, чтобы помочь детям из неблагополучных районов встать на правильный путь. Ты хорошо знаешь Мальмё?

Они останавливаются на светофоре, и Лея бросает взгляд на Хенрика.

– Пока не очень, – отвечает он с улыбкой.

– Так ты действительно переехал сюда вчера или об этом

тоже наврал?

Лея нервно сигналиит впередистоящей машине, водитель которой, кажется, не заметил, что цвет светофора стал зеленым.

– Ты же видела нераспакованные коробки.

– Почему тебя перевели?

– Мне надо было отдохнуть от Стокгольма, – говорит Хенрик, пожимая плечами.

Лея окидывает его взглядом с головы до ног.

– Габриэлла говорит, что ты один из лучших следователей в Швеции.

– Даже так? Ну, не знаю...

– Она утверждает, что ты никогда ничего не упускаешь и никогда не сдаешься.

– Последнее, пожалуй, правда...

– Надеюсь, ты не настолько наивен и самодоволен, чтобы полагать, что ты можешь приехать и начать тут командовать. Я встречала много крутых мужиков, которые считали Мальмё классным шансом, но поверь, им здесь быстро подрезали крылья... Черт, смотрите, куда претесь, – рычит она на двух девочек-подростков, которые выходят напрямик на проезжую часть, так что Лее приходится резко затормозить. – Безнадега. Это дерьмо не разгрести, как мы ни стараемся.

Хенрику знакомо это чувство фрустрации. Работа полицейского похожа на бег белки в колесе.

Они едут мимо идиллической гавани с яхтами и катера-

ми. Спокойное море простирается под Эресуннским мостом вплоть до Копенгагена на горизонте.

– Мы в Лимхамне, это, можно сказать, один из самых престижных районов Мальмё.

Лея сворачивает на улицу с красивыми виллами разной архитектуры.

– Думаю, Густавсгатан – самая дорогая улица в городе. Журналисты только и делали, что описывали в красках прежний дом Златана Ибрагимовича во Фридхеме и дом Йовановича в Лимхамне.

Хенрик напрягается. Такого рода районы его пугают. Лея притормаживает около самого большого дома в конце улицы, ближе всех к берегу и с видом на море. Выкрутив руль вправо, она подает назад и паркуется за черным «порше». Быстрым движением собрав волосы в пучок на идеальной формы затылке, она огрызается:

– Не надо так на меня пялиться.

– Как?

– Как будто видел меня голой.

Устыдившись, Хенрик отворачивается и смотрит на шикарную виллу за ослепительно-белой стеной. Ему не по себе.

– Я буду вести допрос, а ты наблюдай, – командует Лея, вылезает из машины и громко захлопывает дверь.

Хенрик выходит, кивает нескольким коллегам у полицейских заграждений и, наклонившись, пролезает под лентой.

Густав

Бело-голубая полицейская лента опоясывает сад, а ведущая к дому дорога блокирована полицейскими машинами. Густав никак не может отделаться от воспоминаний о частых визитах полиции в Росенгорд, район его детства, которые были похожи на военные операции. Но за одиннадцать лет жизни в ослепительно-белом Лимхамне ему ни разу не доводилось видеть так много полицейских одновременно.

Через кухонное окно он наблюдает за тем, как любопытные ротозеи собираются на улице рядом с домом. Они снимают на мобильники, и Густава подташнивает при мысли о том, что они вообразили о произошедшем.

Никто ничего не слышал о Карро. Мать по-прежнему не отвечает на звонки, и это пугает. Густав вертит в кармане кольцо и пытается справиться с учащенным сердцебиением.

Двое в штатском заходят на кухню.

– Здравствуйте, Густав, меня зовут Лея Каплан, я следователь.

Он очень хорошо знает, кто она. Лея часто мелькает в СМИ с комментариями о работе полиции, и она дочь владельца одного из магазинов ковров. Ему и в голову не приходило, насколько это прибыльное дело, пока он не увидел дом, в котором Лея выросла.

– Мы учились в одной школе, – говорит он Лее и протя-

гивает руку.

– Правда?

Лея смотрит на него с удивлением. Она на несколько лет моложе, и, вероятно, девочке из приличной семьи негоже было запоминать таких соучеников, как он.

Когда Густав переходил после обязательной девятилетки в старшие классы, родители отдали его в частную школу. Впахивали на двух-трех работах, подрабатывали в такси, чтобы оплатить учебу и подарить сыну лучшую жизнь, которой они были лишены. Когда он появился там в своем адидасовском тренировочном костюме, он сразу понял, насколько отличается от таких, как Лея, и других представителей обеспеченного среднего и высшего класса, которых в этой школе было большинство. Это был новый мир, совершенно не похожий на район его детства. Девушки даже не смотрели в его сторону. Лея в том числе.

– Это мой коллега Хенрик.

Густав пожимает Хенрику руку и застывает с открытым от удивления ртом.

– Киллер?

Это не может быть правдой. Каким образом Хенке Хедин оказался у него на кухне?

Хенрик поднимает руки, в точности как тот Киллер, которым он был на площадке. Офигительная история успеха, тоже сделал себя сам, начав с нуля.

В офисе у Густава висит большая фотография Хенрика в

тот момент, когда он достиг пика своей карьеры, забив после невероятного сольного финта победный гол с середины поля в Эль-Класико на до отказа забитом «Камп Ноу». Густав знал, что он стал одним из лучших следователей в Швеции, но понятия не имел, что он работает в Мальмё.

– Вы должны найти их, – говорит он, похлопав Хенке по плечу, более мощному, чем представлял себе Густав.

Под футболкой Хенрика скрываются огромные бицепсы, и он на несколько сантиметров выше Густава с его метром девяносто – смотрится просто каким-то гигантским викингом рядом с ним. Густые светлые волосы собраны на затылке в характерный пучок, а ледяной взгляд голубых глаз может заставить содрогнуться любого. В голове не укладывается, что Киллер находится здесь, у него дома.

В других обстоятельствах Густав счел бы это каким-то знаком, что ли.

Лея подвигает стул.

– Присядем?

– Вы объявили их в розыск? – спрашивает Густав, чувствуя, как течет под рубашкой пот. – Отсюда до Дании час пути.

Ножки его стула скребут пол, когда он отодвигается от стола.

– Я понимаю ваше беспокойство, – говорит Хенрик, усаживаясь напротив. – Мы разослали информацию и фотографии Каролины и ваших дочерей в таксомоторные компа-

нии и водителям автобусов. Патрульные обходят ближайшие районы и опрашивают соседей.

В общем, это означает, что СМИ вот-вот разнюхают, что его семья пропала.

– Когда вы в последний раз общались? – спрашивает Хенрик.

– Мы созванивались... Подождите, она отправила мне в ватсапе фото вчера вечером, сразу после того, как мы с ней поговорили.

Густав достает из кармана телефон и находит последнее сообщение, которое было отправлено в двадцать тридцать один.

– Вот. Карро читает девочкам «Сказки на ночь для маленьких озорниц».

Густав видит, что так и не ответил на это сообщение.

– Вы можете переслать мне это фото? – спрашивает Лея, пишет свой номер на листке и кладет его перед Густавом.

Тот повинуетя, отметив про себя, что она совсем не изменилась со школьных времен – такая же заводи́ла, какой была тогда.

– Вы знаете пароль от телефона вашей жены? – спрашивает Хенке, протягивая ему мобильный Карро.

– Да, год ее рождения.

Он набирает цифры на экране, и смартфон разблокирован. Хенрик забирает его у него из рук раньше, чем Густав успевает посмотреть пропущенные звонки и сообщения.

– Спасибо, – говорит Хенке и быстро выходит из кухни.

Лея листает свой блокнот.

– Вам кто-нибудь звонил?

– В смысле?

– Мы не исключаем похищения с целью выкупа.

– Что? Простите. Мне сложно собраться с мыслями...

Нет. Мне никто не звонил.

– Очень важно, чтобы вы сообщили нам, если кто-то хоть как-то попытается вступить с вами в контакт или потребует выкуп. Это понятно?

– Само собой.

– У вас есть какие-то предположения? Что могло произойти? – продолжает допрос Лея.

– Понятия не имею. Я вообще ничего не понимаю.

Густав машинально расставляет стеклянные вазочки на столе в одну прямую линию.

– Это цветы из нашего сада. Карро может часами возиться с этими палками. Подрезает их, рассаживает, поливает, и что там еще с ними делают. Вы ведь видели наш сад, чего там только нет: смоковницы, шелковицы, каштаны со съедобными плодами, грецкий орех, яблони, вишни, ежевика, крыжовник, смородина, малина, овощи, клубника, земляника – в общем, все что можно, – закончив фразу, Густав выливает остатки воды из своего стакана в ближайшую вазу.

Лея внимательно за ним наблюдает, но он не обращает на это внимания.

– Я понимаю, как вам сейчас тяжело, – говорит она, убиравая прядь со лба.

– Сомневаюсь, но все равно спасибо.

– По словам подруги Каролины, ваша жена была в последнее время в подавленном настроении. Вы согласны?

– Ида так сказала?

Лея кивает.

– Нет, – говорит он, не добавляя «во всяком случае, не больше обычного».

Да и как, черт побери, он мог в этом разобраться. Если бы он понимал хотя бы десятую часть характера этой женщины, все было бы проще.

– Ее ничто не тяготило, не расстраивало?

– Она беременна, и у нее, понятное дело, гормоны и все такое, но она правда мечтала о третьем ребенке после стольких выкидышей. Думаю, после последнего УЗИ она чувствовала себя хорошо. Она радовалась. Была счастлива. Что бы это ни значило.

Густав меняет местами две вазы.

– Когда Каролина говорила с Идой, она, похоже, злилась. Вы знаете почему?

Густав отрывает взгляд от стола.

– Понятия не имею.

Кажется, полиция и Ида знают о его жене больше, чем он, а он ненавидит сюрпризы.

– Не имеете понятия.

– Честно говоря, для меня это новость.

Лея морщит лоб, похоже, сомневаясь в его словах.

– Она принимает какие-то лекарства, помимо инсулина?

– Она глотает все подряд, когда не беременна. Типа витаминов, иногда снотворное. Алкоголь. Временами антидепрессанты. В этом нет ничего удивительного, так ведет себя большинство женщин с маленькими детьми, разве нет? – пожимает плечами Густав. – Карро любит детей и свою жизнь, но ей тяжело, а я в последнее время очень много работал. Все дела по дому она взвалила на себя, и это явно оказалось сложнее, чем она думала.

– Я только что поговорил с вашей уборщицей, – говорит Хенрик, вернувшись на кухню. – Каролина написала ей вчера вечером и отменила сегодняшнюю уборку. Вы не знаете почему?

– Понятия не имею.

– Кроме Иды она еще звонила акушерке и своей матери. Вы можете предположить, о чем они говорили?

Густав качает головой, не понимая, зачем Карро звонила своей мамаше.

– Каролина не упоминала об этих звонках, когда вы разговаривали с ней вечером?

– Она просто пожелала мне спокойной ночи, а потом я поболтал с девочками.

Хенрик снова садится за стол.

– Гм, нам надо рассмотреть любые варианты. Странно, что

в доме нет следов борьбы.

– В смысле? Как при ограблении?

– Вы обычно не запираете дверь гаража? – спрашивает Лея.

– Что? Конечно, запираем. Всегда.

– Наши коллеги, приехавшие первыми, утверждают, что дверь была не заперта. У вас есть предположения почему?

– Нет, это странно. Нет. Не знаю, что сказать. – Густав сцепляет руки на затылке, пытается представить себе эту ситуацию. – Поскольку через гараж можно попасть в дом, мы всегда тщательно следим за тем, чтобы дверь была заперта.

– И камеры наблюдения отключены, – осматриваясь, отмечает Хенрик. – Вы их обычно не включаете? При таком шикарном доме и учитывая поступавшие угрозы...

– У нас лучшая, чтоб ее, сигнализация, я угрохал на нашу безопасность несколько сотен тысяч, и Карро могла бы просто нажать одну кнопку, чтобы сюда моментально приехала вся охранный компания. Дом обвешан камерами внутри и снаружи, но Карро не включает их, когда она дома, ей кажется, что за ней наблюдают. У нее даже на ноутбуке камера заклеена, чтобы парни из «Эппл», которые сидят где-то в Сан-Франциско, не могли следить за каждым ее шагом.

– Она кого-то боялась?

– Нет. Точнее... Мы оба публичные личности, это утомляет, хочется приватности.

– У Каролины склонность к паранойе? – Произнося это,

Хенрик внимательно смотрит на Густава.

– Называйте это как хотите, я не знаю, – пожимает плечами Густав.

– Остается надеяться, что у соседей камеры были включены или что кто-то что-то видел или слышал, – говорит Лея, поправляя лямку бюстгальтера, соскользнувшую под футболкой с плеча.

– Эксперты уже едут. Вероятно, скоро мы будем знать больше, – говорит Хенке, теребя диктофон, лежащий на столе между ним и Густавом. – Есть много такого, чего не заметить невооруженным глазом.

– Хорошо, – кивает Густав, крутя в кармане найденное кольцо, и поворачивается к Лее: – Сколько у вас раскрытых преступлений? Каков коэффициент? В процентном отношении, я имею в виду.

– Прошу прощения?

По ее движениям видно, что вопрос ей не понравился, но Густаву плевать.

– Я должен знать, что вы найдете мою семью.

– Обещаю вам это, – отвечает Хенке.

– С какого вы можете это обещать? – Густав хлопает ладонью по столу и встает. – Вы знаете что-то, чего не знаю я? Или?

Во взгляде Хенрика что-то такое вспыхивает, что заставляет Густава раскаяться в своем срыве.

– Я понимаю, что вам сложно и вы волнуетесь, но поиска-

ми вашей семьи занято много наших сотрудников, и мы обещаем, что сделаем все возможное, чтобы они вернулись домой целыми и невредимыми. Вы можете на нас положиться.

— Я никогда ни на кого не полагаюсь.

Каролина

Она отчаянно колотит коленями в крышку багажника в надежде, что кто-нибудь ее услышит. Ноющая боль в позвоночнике отдается в паху и задней стороне бедер. Швы начали расходиться еще в первом триместре, но таких болевых ощущений раньше не было.

Температура внутри, наверное, выше, чем в бане. Под Каролиной образовалась лужица пота и, возможно, мочи.

Каролина краснеет при одной только мысли, что кто-то может увидеть ее в таком виде.

А может, это кровь. Нет. Только не кровь!

Несколько месяцев она провела в напряжении, фиксируя внимание на ощущениях внутри, внизу. Каждый раз, идя в туалет, она чувствовала комок в животе. Правда ли на туалетной бумаге красноватый след, или это разыгравшееся воображение? Гормональная терапия, овуляции, бесчисленные УЗИ и выкидыши. Она уже почти сдалась, как вдруг забеременела Людвигом.

С ним ничего не должно случиться.

Каролина елозит по полу и стучит ногами, но не понима-

ет, в какую сторону направить усилия. У большинства новых машин должен быть механизм, открывающий багажник изнутри, – рукоятка, провод или кнопка. Каролина поднимает голову и вертит ею по сторонам, но через несколько секунд ей приходится остановиться. Ее мутит и вот-вот вырвет. Если бы только найти способ подать сигнал о помощи! Может, ей удастся включить сигнализацию автомобиля или стоп-сигнал? Она узнала об этом, когда снималась в сериале «Преследование», ее последняя роль – похотливая и сексуальная женщина с небольшим количеством реплик (разумных среди них и вовсе почти не наблюдалось).

Может, ее сюда запихнул псих? Сталкер? Ее несколько раз преследовали странные персонажи, и она боялась их, не понимая, как далеко они могут зайти.

Людам кажется, что они ее знают, но очень немногие имеют право так считать. Всё – лишь актерская игра.

Каролина рано научилась носить разные маски. Она не могла демонстрировать свое истинное «я», потому что в этом случае никто не захотел бы с ней общаться. Похоже, никому не нравилась та, кем она на самом деле являлась. Она и сейчас иногда чувствует себя одинокой, лишенной самоуважения молодой девушкой, что боролась за право стать кем-то известным.

Какую бы роль она ни играла в семье, ей никогда не удавалось соответствовать ожиданиям родителей. Что бы она ни делала, ее мать всегда ее поправляла. А вот брата ее роди-

тели прямо-таки обожествляли. Все детство Каролина провела в его тени, и чем старше они становились, тем больше разрасталась эта тень, и в конце концов брат полностью перекрыл для нее родительский свет.

Каролина поняла, кем был ее брат, прочитав «Американского психопата». До этого она была очарована им так же, как остальные, несмотря на все то, что он с ней проделывал.

Она страдала не только от его оскорблений и унижений, но и от непонимания, как ее родители это допускают. Этого безумия она простить не могла.

Некоторым людям не стоит иметь детей, эта мысль посещала Каролину много-много раз.

Родителей не выбирают, но она выбрала Густава на роль отца ее детей. Надо думать о том, что девочки и Густав в безопасности, иначе она сойдет с ума.

Каролина чувствует боль в легких и закашливается. Кислорода все меньше, и жара невыносимая.

Она пытается убедить себя, что похищение человека еще никому не сходило с рук. Скоро ее найдет Густав, он самый энергичный из всех людей, которых она когда-либо встречала. Густав никогда не допустит, чтобы с его семьей что-то случилось. Никогда.

Раздаются тихие голоса. Кажется, они все ближе.

Густав

Он подходит к раковине, включает воду и дает ей стечь, пока из крана не пойдет совсем холодная вода. Полицейские следят за каждым его шагом. Эксперты-криминалисты едут на виллу, так как подозревают, что она является местом преступления. Густав наливает себе стакан ледяной воды.

– Можно мне взять телефон Карро? Я должен обзвонить всех ее знакомых.

– К сожалению, нет, – отвечает Хенке. – Мы должны передать его экспертам, чтобы они изучили содержимое памяти. Там могут быть важные улики.

– Например, что?

Густав выдвигает верхний ящик кухонной тумбы, чтобы найти хоть какие-нибудь таблетки от головной боли.

– Последние звонки, имена людей, с которыми Каролина общалась в последние дни, расписание встреч. Разумеется, мы свяжемся со всеми, кто будет представлять интерес.

Густав размышляет над последним сообщением от Карро и нервно шарит в ящике, копаясь среди нераспечатанных конвертов, счетов, детских бус, стикеров, ключей, ручек и всевозможной мелочи. Под одной из скомканных бумажек он находит упаковку обезболивающего, выдавливает две таблетки и глотает их, запив водой. Расправив мятый листок, Густав смотрит на две яркие фигурки, которые нари-

совала Астрид. У малышки богатое воображение, и она живет в собственном мирке. Густав несколько раз подумывал создать детскую игру на основе ее волшебных фантазий и сейчас пытается вспомнить, какие имена она дала именно этим двум смешным персонажам. Он улыбается, но быстро возвращается в реальность и пытается, моргая, подавить то, что щиплет ему глаза. Он аккуратно кладет рисунок обратно в ящик.

– Как вы думаете, Каролина могла исчезнуть по собственному желанию? – спрашивает Хенке.

– Зачем ей это?

Они прямо заиклились на этой идее!

– Большинство взрослых, которые исчезают, не хотят, чтобы их нашли, – поясняет Хенке.

– Не знаю, с чего у вас возникают такие предположения. Мы самая обычная семья. Такое дерьмо случается в бедных районах, откуда вы и я родом, а здесь – нет.

Лея наклоняется вперед и опирается локтями на стол.

– Как вы можете описать свой брак? – спрашивает она.

– О чем этот вопрос? Вы хотите знать, как часто мы трахаемся, или что?

Густав с грохотом ставит стакан на стол.

– Успокойтесь. У нас у всех одна цель, – вздыхает Лея. – Я понимаю, что это тяжело, но, пожалуйста, отвечайте на вопросы. Чем больше информации мы от вас получим, тем легче нам будет делать нашу работу.

– Каролина никогда бы не ушла от меня, если это то, на что вы намекаете. Она счастлива. Вы тратите драгоценное время, и я больше не в состоянии отвечать на бессмысленные вопросы. И кстати, куда бы она отправилась? Без денег, без документов, без инсулина, без автомобиля. Вообще без всего!

В воздухе повисает неприятная тишина. Лея листает свой блокнот.

– Кто-то может подтвердить, что вы сегодня ночевали в офисе в Копенгагене?

В этом вопросе содержится подвох, и Густаву не нравится, на что намекает Лея. Была бы у него шведская фамилия вроде Свенссона или Андерссона, ему бы никогда не задали такой вопрос.

– Вы что, думаете, что я... – Густав сжимает челюсти. – Что я что-то сделал, или что? Я подозрительно выгляжу? Не так говорю? Какого черта вы предполагаете, что я...

– Мы ничего не предполагаем. Пожалуйста, сядьте и просто отвечайте на вопросы.

Она говорит, как школьная учительница, но он никогда не был примерным учеником. Густав всегда шел своей дорогой. Однако его нервирует Хенке, и надо постараться взять себя в руки. Глядя в окно, он считает про себя до десяти, прежде чем снова повернуться к Хенрику и Лее.

– Я прошу прощения. Столько переживаний. У меня все... У нас все хорошо.

Густав старается принять расслабленную позу. Надо контролировать себя, иначе полицейские могут вцепиться в него. Он продолжает спокойным тоном:

– Думаю, это можно увидеть на камерах наблюдения в офисе, свяжитесь с моей секретаршей. Она вам поможет получить записи.

Густав записывает имя и номер телефона Филиппы в блокнот Леи.

– Знаете, наша жизнь чертовски идеальна. И я говорю это не из хвастовства. Это просто так и есть. Я не мог бы желать лучшего, и Карро, я знаю, чувствует то же самое. У нас есть все, о чем мы когда-либо мечтали. Мы любим друг друга. Карьера у нас идет в гору. Карро получила несколько кинопремий. Мы ждем третьего ребенка, сына. Девочки здоровы и веселы, им нравится в детском саду. Вильма скоро пойдет в школу. Я живу в мечте своего детства. Как вы знаете, я вырос в простой иммигрантской семье и пахал как проклятый, чтобы получить все это.

Густав делает несколько глубоких вдохов и оглядывает все вокруг.

– Я часто ездил с отцом, когда тот подрабатывал таксистом, и мы не раз заезжали в этот район, и тогда я представлял себе, что однажды въеду в дом на берегу... Эта улица даже носит то же имя, что и я.

У отца едва хватало денег на новые кроссовки для сына, но он постоянно напоминал Густаву, что тот может стать бо-

гатым и счастливым, только ему придется пахать в десять раз больше, чем шведам.

– Это была мечта моего детства, – повторяет Густав, но голос подводит его.

Его отцу так и не удалось увидеть этот дом.

– Я понимаю, как вам сложно, – говорит Хенке. – Хотите, сделаем перерыв?

Закрыв глаза, Густав качает головой.

– У нас нет на это времени. Прошло уже восемнадцать часов с того момента, когда я говорил со своей семьей.

Каролина

Голоса, которые она слышала, были голосами ее дочек.

Вильма! Тяжело дыша, Каролина что есть сил бьется о стены багажника.

– Астрид!

Она пытается кричать через тряпку, но та заглушает звуки.

Наступает тишина, и Каролина чувствует разочарование. Может быть, ей только показалось?

Дыхание сбивается, надо найти способ успокоиться. Дыши глубоко. Это мамина мантра, та повторяла ее всякий раз, когда Каролина боялась или грустила. Почему-то сейчас это всплыло в памяти.

Подлинное благородство не знает страха. Еще одна цита-

та из ее детства. Так ее воспитывали. Эффективный способ дистанцироваться от своих собственных чувств и воспоминаний.

Выстроить стену из чужих ошибок и поучений.

Однако любовь к цитатам против ее воли передалась по наследству. Каролина стала в точности походить на свою мать, без внутреннего морального ориентира, с набором расхожих выражений, которые помогали ей найти выход из положения, когда она чувствовала себя потерянной и не знала, что должна чувствовать или думать. С точки зрения ее профессии плюсом было то, что у нее хорошо получалось запоминать фразы, реплики, высказывания.

Тот же забор, который преграждает путь чужим внутрь, преграждает тебе путь наружу.

Каролина часто чувствует именно это. Словно она сидит в клетке, но противится побегу. Как будто она заперта в самой себе, в большой черной комнате без дверей. Внутри у нее столько всего рвется наружу, но ничего не получается. Что-то в ней все время сопротивляется.

И это пройдет...

Темнее всего перед рассветом.

Именно так Каролина пытается думать в тяжелые минуты. Неудачи приходят и уходят. Ей ли не знать.

Много, много лет ей не хватало веры в себя.

Ее семья забрала у нее всю любовь и достоинство, а мама контролировала каждый ее шаг, не позволяя демонстриро-

вать ни слабость, ни эмоции.

Это поведение тоже передалось по наследству. Мама тоже не имела свободы выбора в жизни. В детстве ей пришлось сносить побои, угрозы и наказания – это было частью воспитания, – и едва ли ей хоть раз позволили отлучиться из дому, пока подростком не отправили в интернат. Невзирая на все это, мама Каролины переняла замашки своих родителей и пыталась управлять и манипулировать дочерью.

Зато Каролине удалось вырваться на свободу. И она не намерена сдаваться.

В юности ее целью было встать на ноги, а чтобы сделать это, пришлось разорвать связи с семьей. Несколько лет она трудилась изо всех сил ради обретения независимости. Она делала все, что могла, чтобы построить собственную жизнь и обеспечивать себя самостоятельно. Она не хотела зависеть от родителей и бралась за любую работу, которую ей предлагали, от рекламных роликов до полнометражных фильмов. В двадцать шесть лет Каролина на свои собственные деньги купила свою первую квартиру в Стокгольме. Небольшую, но для Каролины она была сокровищем. И ее самым большим достижением. Она добилась этого сама.

Но счастье было недолгим.

Во время съемок фильма «Утрата» она начала быстро уставать, легко раздражалась, чувствовала себя вялой. Дрожь, сухость кожи, проблемы с пищеварением – Каролина приняла это за симптомы переутомления и обратилась к

врачу, который поставил диагноз – диабет первого типа. Это сломило Каролину, она чувствовала стыд.

Тогда-то она и познакомилась с Густавом.

В крошечной мгле забрезжил слабый лучик света.

Густав был похож на героя американского фильма – на звезду школьной футбольной команды. Каролина знала, кто он, и все равно была совершенно сражена им, несмотря на его сомнительную репутацию склонного к показной роскоши нувориша, к тому же невероятно самовлюбленного и со взрывным темпераментом. Да еще и жуткого бабника.

На самом деле этот портрет был несколько похож на ее брата.

Мама всю жизнь была права.

На премьере фильма Густав поздравил Каролину с удачной ролью и спросил на своем очаровательном южношведском диалекте, не было ли ей страшно сниматься в подводных сценах. Поскольку натурные съемки велись в основном в лесах и полях, а поблизости от водоема Каролина была всего один раз, она высказала сомнение, что он вообще видел фильм. Очень мило улыбаясь, Густав извинился и несколько высокомерно пояснил, что зато он финансировал фильм.

Прекрасные воспоминания.

Вечером Каролина получила СМС-ку от своего агента, в которой сообщалось, что один из крупнейших и важнейших спонсоров отвезет ее в Копенгаген, где через день намечалась датская премьера фильма. Около ее дома ее будет ждать

машина, которая доставит ее в ВИП-зону аэропорта. Ей четко давали понять, что отказаться от предложения она не может.

Сейчас сложно не думать о том, что, не сядь она тогда в ту черную машину, которая отвезла ее к частному самолету Густава, сегодня она, может быть, не оказалась бы заперта в этом багажнике.

Каролина вздрагивает и пытается изнутри включить стоп-сигналы. Но как до них дотянуться и как разорвать провода, которыми связаны за спиной руки? Если бы можно было ногами вышибить фары, чтобы они вывалились наружу, торчащие из отверстий ноги привлекли бы внимание водителей на дороге или пешеходов.

Каролина не знает, разумно это или нет, но надо делать хоть что-то – других возможностей подать знак у нее все равно нет.

Киллер

Хенрик усаживается на пассажирское место в машине.

– Что думаешь? – спрашивает Лея, пристегиваясь и вырывая на Густавсгатан мимо толпы любопытных зевак.

– Им угрожает опасность.

Такого рода преступления – самые омерзительные.

– Шумиха в СМИ будет, похоже, ужасная, потому что Йовановичи – знаменитости.

Хенрик видит в зеркало заднего вида, что Густава ведут к одной из полицейских машин. Что бы ни случилось, надо сделать все, чтобы Каролина с девочками выжили и вернулись домой.

– Давай немного помаринуем Йовановича в комнате для допросов, – со вздохом предлагает Хенрик. – Ему надо подрезать крылья, если мы хотим добиться от него внятных ответов.

Он бросает взгляд на ухоженную виллу. Не доверяет он людям из этих кругов. У них обычно настолько больше секретов, чем у простых людей, что расследование неизбежно будет затруднено.

– Ты заметил, как агрессивно он отреагировал, когда мы на него немного надавили? – спрашивает Лея. – Готова поклясться, что это он с ними что-то сделал. Он не уронил ни одной слезинки, ты обратил на это внимание? – Лея сигналил грузовику, остановившемуся на перекрестке, и продолжает: – Густав вообще никаких эмоций не выказал.

– Злость и агрессия, в принципе, тоже эмоции.

Хенрик вырос в семье, где насилие было обычным делом, так что злость стала его способом выразить свои страхи.

– Да, конечно, учитывая его происхождение. Человеку, который вырос в криминальной среде, сложно вырваться и начать жить нормальной жизнью. Будь моя воля, я бы его задержала сегодня же. На допросе надо будет надавить на него, чтобы он не сумел направить следствие на ложный путь.

В большинстве случаев первое впечатление является важным, но Хенрик не разделяет желание Леи осудить Густава, отталкиваясь от его прошлого. Хенрик и сам вырос в маленькой квартире с агрессивным отцом, который то сидел в тюрьме, то был безработным. Мама надрывалась в больнице, чтобы прокормить сына и дочь. Так что он не понаслышке знает, как сложно постоянно защищать себя от обвинений, основанных на прошлом. И хотя ему удалось стать мировой футбольной звездой, тяжелое детство слишком часто напоминало о себе.

Из-за плотного уличного движения они едут очень медленно. Пляжи, параллельно которым идет дорога, забиты людьми, которые хотят насладиться последними летними деньками.

– Почему Густав назвал тебя Киллером? – спрашивает Лея, остановившись на красном сигнале светофора и доставая помаду из сумочки.

Хенрик пожимает плечами. Ему редко задают этот вопрос: большинство знает, кто он. Про Лею же он еще вчера понял, что она понятия не имеет о нем и его прошлом.

Это дает ощущение свободы, но он прекрасно понимает, что найти эту информацию в Интернете – вопрос нескольких секунд. Вот пусть и развлечется. Вместо ответа на вопрос он говорит:

– Нам надо проверить алиби Густава.

– Ты так думаешь? – саркастично замечает Лея, нанося

светло-розовую помаду на мягкие губы.

Свое чувство юмора Лея продемонстрировала еще вчера в баре, и совершенно невозможно не думать и о других ее качествах, о которых Густав узнал ночью. Он давно не был так близок с кем-то, и ему даже сложно вспомнить, когда и к кому он в последний раз испытывал хоть толику столь сильных чувств. Его мучает совесть из-за того, как он повел себя утром, и интуиция подсказывает ему, что надо бы объясниться, но он предпочитает отмалчиваться.

Хенрик звонит руководителю группы на вилле, чтобы скоординировать действия тех, кто обходит соседние дома и прочесывает округу с собаками и вертолетами. Он просит проследить за тем, чтобы все записи видеокамер на мосту в Данию и всех остальных камер наблюдения в том районе были сохранены и защищены. Надо собрать информацию у таксомоторных компаний, местного управления общественного транспорта, владельцев мобильных вышек.

– Нам нужно больше людей, – говорит Лея, когда они въезжают в темный подземный полицейский гараж и паркуются среди других служебных автомобилей.

Хенрик бурчит в ответ что-то нечленораздельное и смотрит на часы. Без лекарства Каролина долго не продержится.

* * *

Отдел тяжких преступлений находится на шестом этаже

управления. Хенрик идет следом за Леей по длинному коридору с кабинетами по обе стороны.

– Здесь сидит руководитель нашей группы – Габриэлла, – показывает Лея на закрытую серую дверь и открывает другую, напротив. – У начальства вид на канал и Дротнингтан. А мы любимся внутренним двором и изолятором. – Добро пожаловать в наш кабинет.

Они заходят в небольшую комнату с четырьмя письменными столами светлого дерева. В помещении чувствуется запах духов Леи.

– Твое рабочее место вон там, – говорит она и показывает на стол около окна.

Хенрик подходит к нему и смотрит на два черных монитора, выдвигает пустой ящик тумбы и открывает шкаф для одежды. Типичная офисная мебель, к которой он привык.

Напротив, через двор, находится следственный изолятор с решетками на окнах по всему этажу.

– Симпатично, – говорит он и смотрит в окно на маленькие прогулочные дворiki изолятора внизу.

– Ну, может, не так изысканно, как в Стокгольме... – комментирует Лея, усаживаясь на стул за столом напротив.

Она улыбается и кладет локти на кипы бумаг.

– Следовательницу, которая сидела здесь до тебя, подстрелили весной во время демонстрации, и она на больничном. Теперь ее место досталось тебе.

Хенрику хотелось бы, чтобы обстоятельства сложились

иначе – для них обоих. Он перебирает ручки в золотистой кружке с надписью «КОПЫ».

– С чего начнем?

Лея включает компьютер и закидывает ноги в белых кроссовках на стол.

Не ответив на вопрос, Хенрик тоже садится на свое рабочее место, разблокирует мобильный и заходит в «Заметки». Лея продолжает:

– По-моему, ненормально, что в доме Йовановичей такая чистота. Они слишком аккуратные.

– Все относительно, – отвечает Хенрик, бросив взгляд на полнейший хаос на ее рабочем столе, залежи всевозможного барахла. – Но я согласен с тем, что для семьи с маленькими детьми они умудряются блюсти немыслимую чистоту.

Он помнит бардак у себя дома, когда дочери были маленькими, хотя они с женой нанимали помощников по хозяйству на полный рабочий день.

– Каролина отправила вчера вечером в девятнадцать двадцать СМС-ку их уборщице с просьбой не приходить сегодня. Я ей звонил.

– И?

– По ее словам, это первый раз за шесть лет, что она у них работает, когда Йовановичи отменили уборку. Объяснений она не получила.

– Что же случилось? Почему люди отменяют уборку дома?

– Ну, мало ли. Человек заболел или просто хочет побыть

в тишине и покое. Или не хочет, чтобы ему помешали либо обнаружили, что он исчез. Но зачем тогда назначать встречу с Идой, а потом не прийти?

– У уборщицы есть ключи от дома? – спрашивает Лея.

– Нет. Кроме членов семьи ключи есть только у матери Густава, а ей мы по-прежнему не можем дозвониться. А что там с родителями Каролины?

– Мы связались с коллегами в Стокгольме, они с ними поговорят.

– Хорошо. Тогда продолжим, – говорит Хенрик. – В девятнадцать тридцать две Каролина позвонила Иде Столь, они проговорили три минуты и тридцать секунд. Сразу после этого, в девятнадцать сорок пять, Каролина позвонила акушерке. Разговор продлился всего полминуты. Я поговорил с акушеркой, она подтвердила, что Каролина оставила сообщение на автоответчике и отменила запись на сегодня, не объяснив, однако, причины. В ее голосе определенно слышалось раздражение. Из-за диабета Каролина находится под наблюдением специалиста, важно, чтобы она вовремя сдавала анализы.

Хенрик регулирует высоту стула, чтобы ноги поместились под столом, и продолжает:

– В двадцать ноль две Каролина звонила своей матери, и они проговорили почти двенадцать минут. После чего у нее на телефоне четыре неотвеченных звонка матери.

– А разговор с Густавом?

– Что интересно, я не нашел никакой истории звонков Густава и Каролины за вчерашний вечер.

– То есть негодяй врет, – Лея откидывается назад и громко вздыхает.

Хенрик встает со стула, подходит к белой доске на узкой стене кабинета.

– Нам надо работать, исходя из трех теорий. Первая заключается в том, что Каролину и девочек увезли против их воли. Вторая – что они пострадали физически. Третья – что исчезновение было добровольным. Ни одной из этих трех возможностей мы пока исключить не можем.

Когда Хенрик подносит маркер к доске, чтобы записать сказанное, раздается стук в дверь. В кабинет заглядывает руководитель группы, Габриэлла Линд.

– Хенрик, я очень рада, что ты к нам присоединился, – говорит она.

Габриэлле около шестидесяти, светлое каре обрамляет круглое лицо со здоровым румянцем. На ней шелковое платье пастельно-желтого оттенка.

– Такая жалость, что мы даже не успели тебя как следует поприветствовать и тебе пришлось сразу же погрузиться в работу. Вижу, что у тебя уже есть стол и ручки. Очень хорошо. Скоро ты получишь пропуск и все остальное, что необходимо для работы. А обед, который мы планировали на сегодня, перенесем на какой-нибудь другой день. Как движется расследование?

– Сейчас прочесывают район вокруг виллы, нам помогают соседи и близкие семьи. Разосланы инструкции по контролю за всеми видами транспорта. На Густавсгатан будет размещен временный полицейский пункт. Мы получим помощь от волонтеров и минобороны, – отчитывается Хенрик.

– Насколько все плохо? – спрашивает Габриэлла, переводя взгляд на Лею. – Какие версии?

– Убийство или похищение. Вполне вероятно, в деле замешана «Семья».

– Насколько нам известно, выкуп не требовали, – добавляет Хенрик, скрестив руки на груди. – Убийства людей, совершенные их супругами, так что при этом убивают еще и собственных детей, очень редки. Мы ничего не исключаем. Но Густав ведь не общается с «Семьей» и всячески от них дистанцируется?

Лея смотрит на него с нескрываемым скепсисом.

– Только не говори, что ты настолько наивен. Деятельность преступных группировок в Мальмё куда сложнее устроена, чем кажется на первый взгляд.

– Предоставьте мне улики, достаточные для того, чтобы сделать Густава подозреваемым, – говорит Габриэлла. – Вам что-то нужно?

– Нам нужны помощники. Вдвоем мы не сможем работать достаточно быстро, – отвечает Лея.

– И как ты себе это представляешь? Ты же знаешь, как нам не хватает сотрудников. Еле-еле справляемся с теми делами,

что уже в работе, – вздыхает Габриэлла. – Да ну тебя к черту, не смотри ты на меня так жалобно.

– Вот сама и иди к черту, – усмехается Лея.

– Это дело должно рассматриваться как особо важное, чтобы я получила возможность выделить дополнительные ресурсы. Я сделаю, что смогу, но не ожидайте чудес. Держите меня в курсе, – говорит Габриэлла, и у нее начинает звонить мобильный. – Журналисты съедят меня живьем. Я так рада, Хенрик, что ты к нам присоединился. Именно это и нужно нашему отделу тяжких, и я уверена, что вы с Леей просто созданы друг для друга. Постарайтесь найти их, пока не поздно.

Дверь захлопывается, и Лея начинает заразительно хохотать. Хенрик не может сдержать улыбку. Пару секунд они не отрываясь смотрят друг на друга, пока Лея не опускает взгляд.

– Габриэлла все время суетится, но она очень умна и всегда опережает на шаг всех остальных. Ты с ней раньше был знаком?

На этот вопрос у Хенрика нет разумного ответа. Солгать не вариант, но правда еще хуже.

– Не то чтобы знаком, – говорит он. – Но я буду ей вечно благодарен.

Габриэлла – одна из немногих, кто знал обстоятельства, заставившие его переехать, и все же она приняла его на работу.

Через десять минут они должны спуститься в допросную, где их ждет Густав, и им нужно накопать достаточно информации, чтобы иметь возможность надавить на него. Чем больше его Хенрик изучает, тем больше нарциссических черт в нем находит.

Он берет чашку с кофе и включает ролик с прошлогодним интервью Густава утренним новостям, в котором тот рассказывает о миллиардных инвестициях в недвижимость в Бразилии, которые он сделал вместе с представителями шведской политической и бизнес-элиты. «Мы с родителями пережили войну, сегрегацию, дискриминацию и имели минимум средств к жизни. Отец всегда говорил, что главное – это деньги. Но он был неправ. Главное – это власть и статус».

– Он часто говорит о себе в третьем лице, и сейчас он гораздо накачаннее, чем в этом ролике, – отмечает Хенрик, отрываясь от экрана.

– Угу. А Каролина худее, чем раньше. Если уж мы взялись анализировать их фигуры.

Хенрик удивленно смотрит на нее.

– Я подписана на нее в «Инстаграме», – поясняет Лея. – На самом деле я замечала, что она выглядит очень худой в последнее время, несмотря на беременность.

– Ты на нее подписана?

– Да. Я и еще, типа, сто пятьдесят тысяч человек.

Хенрик заходит на страницу Каролины.

Последний пост опубликован вчера в обед. Это короткое видео, снятое против света, где Каролина и девочки говорят, что они соскучились по Густаву и ждут, когда он приедет домой. У ролика больше восьми тысяч просмотров. До него идет фото со словами восхищения Риз Уизерспун, которая привлекает внимание к женщинам-сторителлерам. Следующая фотография демонстрирует дизайн интерьеров и, вероятно, является рекламой, потому что Каролина упоминает названия нескольких производителей. Дальше пост чистого хвастовства с кучей цифр, имеющих отношение к последнему фильму Каролины. Все это опубликовано вчера. Очень уж все приукрашено, на вкус Хенрика, но что он может знать о соцсетях? Он же не входит в целевую аудиторию. Хотя он все-таки был немного очарован Каролиной, когда она снималась в том сериале о больнице сто лет назад. В общем, как ни крути, а никаких намеков на прощание в ее последних постах нет, они ровно такие же, как в любой другой день. Во всяком случае, на взгляд стороннего наблюдателя.

На экране блокировки в смартфоне Каролины установлена фраза «Тот же забор, который преграждает путь чужим внутрь, преграждает тебе путь наружу».

– Исчезновение может быть попыткой привлечь внимание?

– Это было бы проявлением реально больной фантазии,

но меня уже давно ничего не удивляет, – говорит Лея.

– Она актриса и зависима от своей известности, а в наше время народ, похоже, что угодно сделает ради лайков.

Лея поднимается, подходит к доске и дописывает к возможным мотивам: «Пиар-акция».

– Добавь еще «Семью» и двоюродного брата Густава. У нас есть к ним какие-то подходы?

– У нас есть информаторы и внедренные агенты, я как раз им написала.

– Супер. Надо просмотреть «Инстаграм» Каролины и выяснить, не было ли там какого-нибудь сталкера.

– Густав уже достаточно долго торчит в допросной, – говорит Лея, одергивая футболку. – Пожалуй, будет лучше, если допрос поведешь ты. Как мужчина с женщиной, так сказать. Он, похоже, восхищается Киллером.

Лея улыбается, и в глазах у нее поблескивают озорные огоньки.

Хенрик кивает, но на самом деле, наверное, наоборот. В высказываниях Густава о женщинах, сделанных в разных массмедиа, он демонстрирует совершенно дремучий взгляд на женский пол. Женщина, возможно, могла бы заставить Густава ослабить оборону, но с ним надо обращаться осторожно, чтобы он начал говорить.

– Независимо от того, виновен он или нет, он будет темнить, и, скорее всего, будет звучать убедительно. Как только мы усомнимся в его искренности, он придумает новую ложь,

будет угрожать, блефовать и отрицать предыдущую ложь.

– Он психопат, – подытоживает Лея, вставая.

– Этого мы не знаем, но в его личности определенно есть нарциссические черты. Будем вести допрос по очереди. Сейчас главное не раскрыть перед ним карты, которые он сможет использовать против нас. И прежде всего – не верить ни одному его слову.

Густав

В допросной нет окон, и ощущение такое, будто бежевые стены постепенно смыкаются вокруг него. Густав даже думать не хочет о том, кому до него довелось сидеть на этом стуле. Камера на потолке направлена в его сторону, привинченный к полу стол кажется оскорблением.

Густав обещал себе и родителям, что никогда не окажется здесь. Никогда.

Нашла ли полиция его второй телефон? Что им на самом деле известно? Кольцо в кармане жжет руку.

Сидящий на маленьком стуле Хенрик выглядит угрожающе. Густаву противна мысль, что из всех чертовых полицейских страны его оппонентом оказался именно Хенке Хедин. Он наклоняет голову к одному плечу, потом к другому, разминая шею, так что она аж хрустит.

– Почему я сижу здесь? Меня что, в чем-то подозревают?

– Нет, мы большинство допросов свидетелей проводим в

управлении, так проще, здесь есть вся необходимая техника.

Хенрик наклоняется к диктофону и нажимает на кнопку, одновременно зачитывая вслух написанное в лежащих перед ним бумагах. Пока он тарабанит идентификационный номер Густава, тот сидит, уставившись в камеру на потолке. Хотя он добровольно согласился дать свидетельские показания, все равно надо было сначала поговорить со своим адвокатом. Можно погореть на одном неверно сказанном слове. Но он выглядел бы виновным, если бы отказался отвечать на вопросы полиции без юриста. Как ни поступай, все равно рискуешь.

– Вы успели поразмыслить? Как думаете, что все-таки произошло?

Голос Хенке звучит неожиданно мягко.

– У меня нет ни малейшего предположения и, честно говоря...

Густав прячет лицо в ладонях и наклоняется вперед.

– Очень важно, чтобы вы поделились с нами всеми мыслями, которые приходят вам в голову. Даже тем, что кажется пустяками. Мельчайшая деталь может оказаться решающей. Вы знаете какое-нибудь место, где могла бы скрыться Каролина, возникни у нее такое желание?

– Мальдивы, – ухмыляется Густав. – Поверьте, если бы я знал, я бы сказал.

Хенрик распрямляет спину и переворачивает страницу в стопке документов перед ним.

– Каролина могла впустить в дом незнакомого человека, а потом последовать за ним?

– Нет, – отвечает Густав, глубоко дыша. – Карро никогда не открывает, не будучи уверенной, что она знает человека, который звонит в дверь. Она боится, что ее ограбит или изнасилует какой-нибудь тип из понаехавших, – говоря это, Густав закатывает глаза.

Дверь открывается, появляется Лея.

– Хотите, я принесу что-нибудь из кафе? – спрашивает она, кладя на стол пачку бумаг.

– Двойной эспрессо... и «Ред Булл», пожалуйста, – говорит Густав.

– А из еды?

– Ничего не надо, спасибо. Я не хочу есть.

– Хорошо. А тебе?

– Только черный кофе, пожалуйста, – отвечает Хенрик, и Лея выходит из допросной.

Густав вытирает ладони о брюки и пытается сесть поудобнее.

– Все хорошо? – спрашивает Хенке.

– Пора бы начать действовать.

– Мне жаль, что вам приходится проходить через все это, у меня у самого две дочери, но они старше ваших. Вы не могли бы немного рассказать об Астрид и Вильме?

– Рассказать что? Они внешне похожи, но у них совершенно разные характеры. Астрид поактивнее. Вильма осто-

рожная и задумчивая, но у нее такой же взрывной темперамент, как у Карро. Никто не способен так вывести меня из себя, как моя жена.

Он улыбается, но понимает, что Хенке это неинтересно, это просто способ заставить Густава расслабиться, ошибочно почувствовать себя в безопасности.

– Я люблю в ней абсолютно все. С первой встречи.

– А как вы познакомились?

– Она играла главную роль в одном фильме. Недостижимая девушка моей мечты. Такие девчонки из высшего общества никогда даже не смотрели в мою сторону. Когда у меня появились деньги, я вложил некоторую сумму в фильм, в котором она исполняла главную роль. Тогда-то мы и встретились в первый раз. На премьере. И с тех пор наша страсть не угасла, хотя, разумеется, не все всегда идет гладко, когда у вас маленькие дети, бытовые проблемы, работа и все такое. Но мы любим друг друга.

– Что она за человек?

– Умная. Всегда шла своей дорогой. Я ею восхищаюсь. Она может казаться железной снаружи, но она... такая мягкая и горячая. Простите, это, наверное, прозвучало неуместно. Я не могу этого объяснить, но когда Карро входит в комнату, все это замечают, если можно так выразиться. Она притягивает все взгляды. Она неотразима.

Лея снова открывает дверь и ставит на стол поднос. Хенрик следит взглядом за всеми ее движениями.

– Что вы собираетесь предпринять? – спрашивает Густав. – Если Карро не получит свое лекарство как можно скорее, она умрет.

– Мы помним, не сомневайтесь. Берите кофе, – говорит Лея и садится рядом с Хенке.

Буркнув «спасибо», Густав залпом выпивает эспрессо, который уже заметно остыл и имеет пластмассовый привкус. Лея достает из сумки блокнот и ручку.

– Вы сказали, что говорили с ней вчера вечером, но мы не видим никаких входящих или исходящих звонков на телефоне Каролины в это время.

Густав задумывается на пару секунд.

– Мы созванивались в ватсапе. Мы иногда так делаем.

– Почему?

– А почему нет? – Густав пожимает плечами. – В этом нет ничего странного, так поступают еще, типа, пара миллиардов людей. Мне нравится это приложение.

– Может быть, потому что оно имеет шифрование, защищающее все сообщения и разговоры, так что мы не можем их проверить, – говорит Лея, отхлебывая из стаканчика с кока-колой.

– Вам нечего проверять. Все было так, как я сказал.

Густав достает свой телефон и показывает список звонков.

– Вчера вечером я звонил Каролине в двадцать двадцать. Лея внимательно смотрит на его смартфон, а Хенрик фо-

тографирует экран.

– Отлично, спасибо большое. А с двоюродным братом вы тоже в ватсапе общаетесь?

– Ха, а я все жду этого вопроса, – фыркает Густав и делает глоток энергетика.

– Почему?

– Да потому что рано или поздно вы всегда начинаете грести всех иммигрантов под одну гребенку.

– Что вы хотите сказать?

– Да ладно, а то вы не понимаете. Вы же тоже не шведка и знаете, каково это – не быть одним из своих.

– Честно говоря, я редко об этом думаю, – говорит Лея. – Я это я, этого достаточно.

– Вы не ответили на вопрос, а он важный, – возвращает их к делу Хенрик, пристально глядя на Густава.

Густав точно знает, о чем они думают. Им не нравится его уверенность в себе. Он не имеет права противопоставлять себя им. И неважно, насколько он успешен на бумаге, – когда речь заходит о чем-то действительно важном, он всего лишь чертов иммигрант, которого совершенно необязательно пытаться понять.

– Нет. Я не общаюсь с «Семьей». У меня нет с ними ничего общего.

– Это правда? – Лея сверлит его взглядом. – Нам важно, чтобы вы были откровенны с нами. Если это как-то связано с исчезновением...

– Я не общаюсь с ними. Они преступники, я давным-давно порвал с ними.

– Это их разозлило? – спрашивает Хенрик.

– Между нами нет недоговорок, если вы об этом. Лея кивает, глядя на Густава с подозрением.

– Значит, вы не встречаетесь со своим двоюродным братом?

– Естественно, мы встречаемся, когда у кого-то из родни свадьба или что-то типа того. Мы же родственники, наши матери – родные сестры. Но это все.

Неважно, как быстро и как долго он будет бежать – прошлое всегда дышит ему в затылок.

– Понятно, – говорит Лея, но в ее ответе слышно сомнение.

Они пока ни слова не произнесли о его втором телефоне, однако вопросы о брате нервируют. Лея открывает какой-то документ и быстро пробегает его взглядом. Вдруг она спрашивает дружелюбным тоном, как будто это должно вывести Густава из равновесия:

– Какой у Каролины был голос, когда вы говорили вчера?

– Обычный, я уже это говорил.

– Каролина ведь еще звонила своей маме... Вы, кажется, удивлены?

– Да, они редко общаются. Думаю, они не созванивались с июля, когда были вместе во Франции.

– Не знаете, о чем могла идти речь? – спрашивает Хенрик,

потягивая кофе, как будто это самый обычный рабочий день, ничем не отличающийся от других.

– Без понятия.

– А почему они не общаются? Поссорились? – уточняет Хенрик. – Вы упомянули Францию.

– Карро с девочками провели у них во Франции несколько недель в июле. Ничего особенного не произошло, просто Каролина не очень ладит с родителями, с ними вообще довольно сложно иметь дело.

– Поясните.

– Они дико странные. Разве недостаточно их аристократической фамилии, чтобы понять, о чем я? У них на все есть куча правил, что правильно, что неправильно в их долбаном дворянском мирке. Я им никогда не нравился, я же иммигрант. Но Карро встала на мою сторону. И у нас собственная семья. Между нами и ними нет ничего недосказанного, мы просто редко общаемся, и все. Они высасывают энергию. Мне кажется, это обычное дело для отношений с тестем и тещей.

Лея делает пометку в блокноте.

– А какие у вас отношения с вашей матерью? – спрашивает Хенрик, откидываясь на спинку стула. – Насколько я понимаю, отец ваш уже умер?

– Да, двенадцать лет назад, так что мама для меня очень важный человек. Поскольку я единственный ребенок в семье, мама всю себя посвятила мне. Всегда безоговорочно да-

рила мне любовь. У нас с ней прочная связь. Конечно, это не всегда легко для Карро.

– Что вы имеете в виду?

Лея напряженно смотрит на Густава, словно учуяв что-то.

– Ну, не знаю. И не понимаю, что в этом может быть интересного. У мамы и Карро довольно прохладные отношения, что не редкость, по-моему, для свекровей и невесток. Они вроде как ревнуют друг к другу. Между ними ведется постоянная и совершенно бессмысленная борьба за меня.

Говоря это, Густав пытается понять, к чему клонит Лея, задавая эти вопросы.

– Когда вы в последний раз говорили с вашей матерью?

– Вчера.

– Мы пытались ей дозвониться, но она не отвечает. Вы знаете, где она может быть?

– К сожалению, нет. Честно говоря, я бы предпочел, чтобы вы не впутывали в это мою маму, она не имеет никакого отношения к этому делу.

– А брат Каролины?

– Вы шутите? При чем тут он? Или вы и его подозреваете? – Густав усмехается, но внутри у него все кипит.

Телефон Леи издает писк, она читает сообщение и меняется в лице. Протянув мобильный Хенрику, она резко встает.

– А сейчас мы должны прерваться.

– Что случилось? – спрашивает Густав, переводя взгляд с Леи на Хенрика.

– Они кое-что нашли, и мне надо проверить одну вещь.

– Что?

Густав тоже вскакивает.

– Мы позвоним, когда что-нибудь узнаем.

Лея направляется к двери.

– Наш коллега возьмет у вас биологический материал, чтобы отделить вашу ДНК от других, собранных в доме. Это добровольно, но вы, полагаю, не будете возражать? Потом Хенрик отвезет вас домой.

Она задерживает взгляд на Хенрике, потом выходит.

* * *

Густав нервно ерзает на заднем сиденье машины и ловит в зеркале заднего вида настороженный взгляд Хенке. Они проезжают мимо высоток, около которых пенсионеры в креслах поджариваются на солнце, попивают холодное пиво и читают в Интернете об исчезновении Каролины. Все эти придурки наверняка уверены, что виноват муж, выскочка из понаехавших. Чертовы ублюдки.

Почему Карро звонила вчера всем этим людям? Непонятно. Своей матери? С чего вдруг?

Надо поговорить с Идой. И главное – с братом, хотя полиция вроде еще не нашла второй телефон Густава. Еще.

Густав вынимает из кармана смартфон и смотрит на список пропущенных звонков.

– Не общайтесь с журналистами, предоставьте это нам, – поучительным тоном говорит Хенке, как будто со своего места впереди следит за каждым движением Густава. – Если это похищение, преступник вскоре проявится и потребует выкуп или что-то еще.

Внутри у Густава все сжимается. Хенрик продолжает:

– У нас большой опыт работы с похищениями, поэтому я повторяю: при малейшем намеке на контакт со стороны похитителя сообщите нам. Неважно, будут они вам чем-то угрожать или нет.

Густав кивает.

Несмотря на работающий кондиционер, в машине жарковато. Рот пересох, надо чего-нибудь выпить, а то еще обезвоживание начнется. Густав смотрит в окно. Светит солнце, дети играют в регби.

– Как вы вообще здесь оказались? Следователь? В Мальмё? – спрашивает он, пытаясь сменить тему.

– Я всегда хотел стать полицейским. Драйв, адреналин и такое же ощущение игры команды, как в футболе. Вы в детстве играли в футбол?

– Да, но у меня не очень хорошо получалось. А это правда, что вы не чувствуете боли?

– К сожалению, мне очень рано пришлось этому научиться.

– В детстве я страшно этому завидовал. Знаете, я записывал ваши матчи.

Хенке останавливает машину перед пешеходным переходом, пропуская женщину с коляской, и поворачивается к Густаву.

– Я пытаюсь оставить это все в прошлом. Мне не нравится, когда меня называют Киллером. Это может быть неверно истолковано.

Хенке произносит это таким тоном, что Густав вздрагивает.

Они выезжают на улицу, ведущую к Густавсгатан.

– Да ладно, все же знают, что это прозвище вы получили за свою бескомпромиссность. Оно о силе. Гордиться надо, мужик. У таких лидеров, как мы с вами, есть нюх на людские страхи и слабости, и мы не сдаемся, пока не загоним противника в угол. Я жутко восхищался вами, жаль, что вы бросили...

– Теперь я использую эти качества иначе. Вам сегодня понадобится какая-нибудь помощь?

Они едут по Густавсгатан. Когда Густав видит толпу журналистов около забора своего дома, его прошибает холодный пот.

– Вам есть кому позвонить? – спрашивает Хенрик, тормозя у калитки.

Густав пожимает плечами.

– Со мной все будет нормально.

– Если что-то узнаете, сразу же позвоните нам. Или если что-то вспомните, что угодно.

– Просто постарайтесь найти их, – говорит Густав, вылезает из полицейской машины и захлопывает за собой дверцу.

Ниже по улице он видит свой «порше» и думает, что надо перегнать его в гараж как можно скорее. Густав смотрит на развернутый неподалеку временный полицейский пост и быстро заходит в калитку. Идя по ведущей к дому дорожке, он срывает куски полицейской ленты, висящей тут и там и болтающейся на ветру. Он комкает ее в руке и делает глубокий вдох, прежде чем войти в дом. Как же это неправильно – возвращаться в пустое жилище, но Густав сильный. Должен быть сильным. Он должен научиться не чувствовать боли, как это удалось Хенке.

В холле темно и тихо. Не слышно стука маленьких ножек, бегущих к нему навстречу. Никто не кричит «Папа!» и не бросается к нему на шею.

Эксперты не оставили ни одного следа своей работы. Густав думал, что обнаружит дома бардак, все будет перевернуто вверх дном, но на вилле все ровно так, как было раньше.

Он подходит к курткам девочек, снимает их с вешалки, прижимает к груди и вдыхает запахи. Пока не нахлынуло отчаяние, аккуратно вешает их обратно и идет на кухню, чтобы включить телевизор. На экране криминальный репортер Эллен Тамм стоит около забора его дома. В настоящий момент полиция не имеет достаточно информации. Известно только, что Каролину и ее дочерей в последний раз видели в их доме на Густавсгатан в Мальмё.

Эллен Тамм пыталась дозвониться до Густава весь день, оставляла сообщения на автоответчике, но Густав не собирается разговаривать с журналистами. Он хочет выключить телевизор, но начинается новый репортаж – о том, как страх национализации отпугивает инвесторов от Бразилии. Если Густаву не удастся получить денег от Расмуссена, они все умрут. Мозг работает на полную мощность. Где же второй телефон? Неужели он забыл его где-то дома? Нашла ли его Каролина? Или полиция? Густав не уверен, что хуже. Как бы то ни было, надо связаться с Асифом.

Он достает ноутбук. Густава пока ни в чем не подозревают, но на всякий случай он стирает все письма, которые могут быть неверно истолкованы. В своем основном смартфоне он тоже стирает все лишнее и потом находит номер тещи. Слушая гудки, Густав выпрямляет спину.

– Биргитта Юртхувуд слушает.

Густав застывает. Он давно не говорил с тещей.

– Здравствуйте. Это Густав.

– Что происходит? Где ты был, я пыталась тебе дозвониться. Мы только что говорили с полицией.

Обвинительный тон вкупе с заносчивым стокгольмским выговором быстро напоминают Густаву, почему он никогда не рвался иметь дело с родителями Карро.

– Простите, не хотел беспокоить вас понапрасну, – отвечает он, стараясь звучать приветливо. – Что сказали...

– Где они? – обрывает его Биргитта. – Я не понимаю. Если

ты не...

– Зачем Карро звонила вам вчера?

Помолчав пару секунд, Биргитта говорит:

– У нее был расстроенный голос, но она не захотела объяснить из-за чего. Мы договорились созвониться сегодня, когда она успокоится. Я перезвонила ей позднее вечером, но она не ответила. Я подумала, что она легла спать.

Биргитта всхлипывает.

– Что ты наделал, Густав?

– Вы о чем?

– Все эти годы я боялась этого. Что ты с ними сделал?

– Что за чушь? – говорит Густав и кладет трубку.

Ну вот, опять, опять он не выдерживает, когда приходится слышать эти обвиняющие интонации. Неважно, что делает Густав и сколько он зарабатывает – им этого все равно недостаточно. Карро унизила семейство Юртхувуд, выйдя замуж за выскочку, и так будет всегда.

На Густава накатывает тошнота. Он заходит в «Фейсбук» и начинает писать пост: «Пожалуйста, помогите мне найти мою семью. Карро и девочки исчезли. Последний раз их видели дома в Мальмё 12 августа. Пишите обо всем, что может помочь мне найти их!» Он прикрепляет фото, которое Карро отправила ему накануне, и внезапно его осеняет – на ней надета красная шелковая ночная рубашка с кружевами, которую он подарил ей на день рождения. Он увеличивает изображение. На пальце у Каролины надето помолвочное кольцо,

но обручального уже нет. Тяжело дыша, Густав вертит его в кармане.

Не глядя, он нажимает на кнопку «Опубликовать», захлопывает ноутбук, берет кошелек и ключи от машины и выходит на улицу, где стоит его «порше».

Каролина

Она пытается выпрямиться и упирается ногами в стенку багажника, тело воняет ацетоном. Тошнота невыносима, а ноющая боль в животе ужасно пугает. Каролина пытается не думать о том, что может вот-вот произойти. Вместо этого она думает о девочках, старается представить себе, как они карабкаются к ней на колени, прижимаются своими маленькими теплыми тельцами к ее груди и обвивают ручонками ее шею.

Как она здесь очутилась? Мозг отказывает. В последнее время она находилась в какой-то прострации. Густав утверждал, что она придумывает разные вещи, и ей было стыдно из-за того, что она не может отделить сны от реальности.

Но сейчас необходимо сосредоточиться. Кто сделал с ней это? Ей не приходит на ум никого, кроме двоюродного брата Густава. Или кого-нибудь другого из «Семьи». Густав всегда прилагал все усилия к тому, чтобы держаться подальше от преступной родни. Но Каролина знает, что не всегда удастся держать два разных мира на расстоянии друг от друга.

На праздник по случаю десятилетия со дня их свадьбы Асиф явился без приглашения, и Густав не решился выставить его. Они ведь как-никак братья, и все же понимают, на что способен Асиф. Но зачем ему вредить собственной родне?

А еще тот тип из парка с детской площадкой. Каролина несколько раз видела его там. Огромный, с бритой головой и черными татуировками от запястий до плеч. Было в его темных глазах что-то пугающее. В первый раз Каролина заметила его недалеко от детской площадки рядом с домом све-крови. Это было весной. Девочки качались на качелях, а Каролина стояла в нескольких метрах от них, там, где заканчивался парк и находились туалеты. Когда люди ее узнают, они часто начинают пялиться. Некоторым даже кажется, что они с ней старые друзья, только потому что они когда-то видели ее в фильмах. Но тот взгляд был другим. Угрожающим. Каролина повернулась спиной к незнакомцу и пошла качать девочек. Через пару минут мужчина оказался по другую сторону качелей и снова преспокойно устоялся на нее. Было такое ощущение, словно он смотрит сквозь нее. Как будто он что-то знает о Каролине: больше, чем надо. От этих воспоминаний ее бросает в дрожь. Может быть, это его рук дело?

В последний раз она видела его на улице рядом с домом. Тогда как раз Астрид удалось проплыть бассейн из конца в конец. Она так радовалась, что, казалось, лопнет от гордости, прыгала и пританцовывала около бассейна и не хотела идти

спать. Вильма, как обычно, тоже присоединилась к сестре, и Каролина позволила им поиграть в саду в салочки, а сама пошла собирать мокрые полотенца и игрушки. Вдруг девочки подбежали к ней, держа в руке по леденцу. Они рассказали, что их дал им дядя около калитки. Слезы подкатывают к глазам при воспоминании об их расстроенных личиках, когда она вырвала леденцы у них из ладошек и запретила брать подарки у незнакомых людей. Вильма разозлилась – она всегда обижается, когда ей делают замечание, – и сказала, что дядя с татуировками знает папу и часто разговаривает с ними. Каролина выбежала на улицу и увидела только спину садящегося в машину незнакомца.

Она прижимает колени к животу и стонет. Когда это было? Кто он? Это он запер ее здесь?

Звук заводящегося мотора обрывает ее мысли, поверхность, на которой она лежит, начинает дрожать. Каролина напрягается, ее отбрасывает к стенке. Водитель ведет машину быстро, вибрация мотора отдается в животе. Автомобиль накрывается, и Каролина ударяется головой. Она колотит ногами в надежде, что ее кто-нибудь услышит, но рев мотора поглощает все звуки.

В конце концов силы оставляют ее. Она почти теряет сознание и больше не в состоянии сопротивляться происходящему.

Очнувшись, она не понимает, как долго пробыла в обмороке. Сердце колотится. Тишина. Мотор смолк. Машина покачивается, когда открывается крышка багажника.

Каролину охватывает ужас. Она не успевает воспротивиться тому, что кто-то вытаскивает ее и сильными руками закидывает к себе на плечо. Она чувствует сильный удар в живот и судороги в его нижней части. Она стонет и извивается как змея. Человек роняет ее на землю. Или это пол?

Сильные руки обхватывают ее икры и тащат по холодному полу. Пальцы больно впиваются в кожу. Потом Каролину снова поднимают. Она слышит, как открывается и закрывается дверь. Человек бросает свою ношу на что-то твердое. Стук шагов стихает, дверь снова захлопывается.

Киллер

Когда он возвращается в управление, Лея уже там. Она сидит за своим столом, наклонившись к компьютеру, и не здороваются с Хенриком, когда он подходит к своему рабочему месту.

– Ложная тревога. Две девочки в Буксугене не Астрид и Вильма, – говорит она, не отрывая взгляд от экрана.

– Я слышал. Как ты? – спрашивает Хенрик, не без робости поглядывая на нее.

Он не может не замечать, насколько она ослепительно красива.

– Нормально, – отвечает Лея, энергично стуча по клавиатуре.

По дороге Хенрик погуглил информацию о Лее и нашел длинное интервью этого года в местной газете по случаю ее тридцатипятилетия. Значит, она моложе его на десять лет. Ее отец родом из Стамбула, торговец коврами во втором поколении, семье принадлежит одна из крупнейших в Скандинавии сеть магазинов восточных ковров. Старший брат Леи пошел по стопам отца, но она, к величайшей досаде родни, пошла работать в полицию, последовав призванию. В интервью она отзывается о Мальмё как о воюющем городе, а о Швеции – как о стране, которой угрожает анархия. Несколько раз в статье упоминается сочетание нескольких факторов – пола, сегрегации и отсутствия интеграции.

Хенрик не может ею не восхищаться. В газете написано, что она не замужем и предпочитает оставаться одна, пока не встретит человека, чувства к которому будут так же сильны, как чувства, которые испытывают друг к другу ее родители.

– Ты не должен ничего обещать Густаву, – говорит Лея ни с того ни с сего, отрываясь от экрана. – Нельзя эмоционально вовлекаться в дело.

– Послушай, я больше пятнадцати лет в полиции... –

вздыхает Хенрик.

– И тем не менее ты не должен обещать Густаву, что мы найдем его семью.

– Я и не обещал, я сказал, что мы сделаем все, что в наших силах.

Хенрик включает свой компьютер.

– Ты сказал не так, – не сдается Лея. – Ты не Господь Бог.

– Это точно, – улыбается он.

– И что, черт подери, мы будем делать, если не найдем их? – Она отпихивает клавиатуру и в отчаянии откидывается на спинку стула. – Мы получаем тьму наводок, как нам проверить все?

Когда пришло сообщение, что Астрид и Вильму видели в заповеднике Букскуген, они почувствовали прилив оптимизма, но силы покинули их вместе с обманутыми надеждами. Ни сотрудников, ни времени недостаточно, чтобы вести расследование по всем направлениям. Группа на Густавсгата-тан пока ничего не обнаружила. Нигде ни следа Каролины и девочек. Единственный, кто, кажется, сохраняет спокойствие, это Густав. Хенрик, мягко говоря, почувствовал себя озадаченным, когда тот как ни в чем не бывало начал распространяться о его карьере. А ведь должен, по идее, пребывать в отчаянии.

– В машине Густав трепался исключительно о футболе. Это подтверждает наше представление о нем, хотя и не делает его виновным, – говорит Хенрик.

– Да ладно, он психопат. Его семья исчезла, а он ведет себя так, словно хочет рекрутировать тебя в свою команду, как какой-нибудь Аркан, – парирует Лея, нервно грызя ручку.

Хенрик усмехается. Не самая удачная шутка – в истории военного преступника Аркана нет ровным счетом ничего забавного.

– Что у нас есть на «Семью» и Асифа, брата Густава?

– Я только что поговорила с нашими агентами и получила конфиденциальную информацию, которую нельзя упоминать в материалах расследования.

Хенрик кивает.

– Разведка считает, что «Семья» по горло занята партией оружия, которая должна прибыть с Балкан. Наш информатор не слышал ничего такого, что могло бы указать на участие «Семьи» в исчезновении Каролины и девочек. И они давно не видели Асифа.

– Они обычно держат его под наблюдением? – уточняет Хенрик и откладывает в сторону мобильный.

– Асиф держится в тени, у него много подручных. Он появляется на людях только время от времени.

– Прослушка?

– У них одноразовые телефоны, они меняют их чаще, чем мы ходим в туалет.

– Это правда, что Густав ни с кем из них не общается? Должны же они как-то отмывать деньги, а он, кажется, идеально подходит для этой роли.

– Асиф и Густав иногда пересекаются на семейных праздниках, но ничто не указывает на то, что у них есть общие дела.

Раздается стук в дверь.

– Войдите, – кричит Лея.

Дверь открывает рыжеволосая полицейская, которая встретила их на месте преступления.

– Привет, меня зовут Мария, мы виделись сегодня на Густавсгатан. Габриэлла перевела нас сюда, чтобы немного разгрузить вас.

Из-за ее спины появляется ее напарник, который тоже одним из первых прибыл на виллу Йовановичей.

– Это Карим.

– Ну, слава богу. Можете занять эти два стола, – с облегчением говорит Лея.

Мария и Карим еще не переоделись в штатское. Парень выглядит не сильно старше старшей дочери Хенрика, и из-за худобы прямо-таки утопает в полицейской форме.

– Всегда мечтал стать следователем, так что я дико благодарен, – говорит Карим, осматривая рабочий стол, как будто перед ним новенький «ламборгини».

– А я уже несколько раз просила перевести меня на бумажную работу из-за беременности, так что тоже очень довольна.

Выющиеся волосы Марии напоминают пылающий факел. К груди она прижимает пачку бумаг.

– Здесь две тысячи страниц с информацией, вытащенной из телефона Каролины, надо это все просмотреть. История сообщений и звонков в ватсапе была стерта, и копии нет.

– Что? – удивляется Хенрик.

Теперь понятно, почему он не нашел звонка Густава Каролине, когда просматривал ее телефон.

– Вероятно, память была очищена после разговора с Густавом и после того, как Каролина отправила ему фото.

«Что же она хотела скрыть?» – думает Хенрик.

– Вы первыми прибыли на место. Ваши впечатления?

– Густав не казался обеспокоенным, если вы понимаете, о чем я. И поначалу не особо рвался нам помогать, – отвечает Карим. – У него эдакая гангстерская аура, все должно быть дорого.

– Как только пошли сложные для него вопросы, он начал проявлять агрессию, – добавляет Мария, поморщившись. – Либо он не может принять произошедшее, либо что-то скрывает.

– Думаю, он боится, потому что занимается темными делами. – Карим садится в рабочее кресло, широко расставив ноги, и расстегивает бронежилет.

– Боится, что его разоблачат, – продолжает его мысль Лея, пожимая плечами.

– А вот подруга Ида, наоборот, была в полнейшей истерике, когда мы приехали к дому, – продолжает Карим.

Хенрик морщит лоб и прерывает его:

– Нам надо попытаться узнать Густава лучше, чтобы понять, что для него нормально. Вместе с тем не надо забывать, что он не только человек, который может оказаться преступником, но и отец, который беспокоится за свою семью.

Лея, кажется, хочет что-то возразить, но предпочитает промолчать. Взгляд у нее грустный.

Мария садится за свой стол и говорит, указывая на стопку принесенных бумаг:

– Я просмотрела СМС-ки Каролины за то время, что она провела во Франции – навещала родителей в июле. Кажется, у нее и Густава были весьма прохладные отношения в тот момент. Он едва отвечал, а она отчаянно жаждала его внимания. Несколько раз обвиняла его в том, что у него появилась другая женщина и все такое.

– Я так и знала, – говорит Лея, отъезжая на стуле от стола. – Густав встретил кого-то, с кем хочет начать все сначала. И избавился от своей прежней семьи.

– Как Крис Уоттс из Колорадо, – добавляет Хенрик, но для таких заключений у них пока нет никаких оснований.

Мария кладет ладонь на живот.

– Что может заставить родителя убить свою семью?

– Да по-разному, – отвечает Хенрик. – Обычно причина в разводе или ревности. Иногда в финансовых проблемах или психических отклонениях. Но насколько нам известно, ни Густав, ни Каролина не были клиентами психиатров. По все-му кажется, что они вели совершенно обычную для их класса

жизнь. Но никогда нельзя быть уверенным. Более вероятна версия, что Каролина забрала детей и спряталась. Надо выяснить, не было ли в семейных отношениях насилия. Надо копать глубже, изучать их характеры и отношения в браке.

Хенрик поворачивается к Лее:

– Каким Густав был в школе?

– Честно говоря, я понятия не имела, что мы учились в одной школе. Я думала, он ходил в школу у себя в Росенгорде. Он же обычно хвастается, что рос практически в бедности, но, несмотря на это, сумел заработать миллионы в игровом бизнесе.

– Деньги в данном случае важный фактор. Если речь идет о шантаже, то к настоящему моменту Густав уже должен был получить требование выкупа, – говорит Хенрик и приоткрывает окно. – Ответ от датской полиции уже пришел? Он действительно ночевал в офисе?

– Они вот-вот закончат просматривать записи видеокамер, – отвечает Лея. – Я совсем недавно с ними созванивалась.

Хенрик распахивает окно, вдыхает свежий воздух и слышит, как один из заключенных громко поет во дворе.

– Добро пожаловать в Мальмё, – ржет Карим. Хенрик усмехается и засовывает руки в карманы.

– На самом деле наше внимание привлекли два обстоятельства, – говорит Карим, теребя толстую золотую цепочку, из-за которой его шея кажется еще более худой. – Во-пер-

вых, не знаю, почувствовали ли вы, но в их доме был странный запах, вроде как выхлопных газов. Во-вторых, когда мы составляли объявление о розыске, Густав сказал, что у Каролины с детства осталось несколько шрамов на теле. Мы не включили это в описание. У нее, похоже, старший брат был настоящей скотиной. У нас на него что-то есть?

– Нет, надо проверить, – говорит Лея. – И если у Густава есть любовница, нам нужно ее найти.

Густав

Начинает темнеть, и в большинстве окон уже зажжен свет, когда Густав въезжает в родной район и проезжает мимо серых бетонных домов. Господи, как же он любит эти выселки, здесь он чувствует себя дома.

Из динамика несется голос Нады Топчагич. Отец всегда включал югославскую музыку, хохотал и танцевал, пока мать не выключала ее и не ставила шведский хит-парад и тому подобную фигню.

Хотелось бы Густаву иметь сейчас столько же энергии, сколько было у его отца. Он увеличивает громкость.

Он несколько часов колесил по району, заехал во все парки с детскими площадками, но почти не помнит, где был. Все превратилось в один сплошной кошмарный туман. Постоянно звонил телефон. Люди прочитали его пост в «Фейсбуке» и хотят узнать, как у него дела. Черт бы их побрал, важно

сейчас совсем не это.

Густав останавливается около центра досуга для молодежи и глушит мотор. Несколько мальчишек в бейсболках подходят поздороваться. Вскоре вокруг машины собирается все больше народу. Нагловатые подростки, которым наверняка непросто живется дома. Густав хотел бы спасти каждого из них, но это невозможно – даже если он будет делать все, что в его силах.

Он опускает боковое стекло и спрашивает:

– Как жизнь?

Несколько мальчишек пытаются просунуть голову в окно машины и начинают просить его прокатить их, спрашивают, какую скорость развивает автомобиль и сколько он стоит. От многих пахнет табаком, хотя им едва ли больше тринадцати. одному из расшумевшихся парнишек Густав натягивает бейсболку на глаза.

Среди ребят он замечает свою троюродную сестру, которая подает ему знак, что Асиф ждет его в баре «Будва». Чувствуя холодок в животе, Густав слегка кивает.

Ребята хотят отвести его в центр досуга, постройку которого он спонсировал, и сыграть с ним в игровой комнате. Он иногда помогает здесь школьникам с домашней работой, устраивает турниры по пинг-понгу или просто заезжает поболтать. За работу центра отвечает муниципалитет, но на большой синей вывеске над дверью белыми буквами написано его имя: «ЙОВАНОВИЧ-КОРТ».

Хоть он и не Златан Ибрагимович², но он тоже вырос здесь и создал что-то собственными руками. Он является примером для многих, дает надежду на то, что любой может достичь многого, если будет упорно трудиться и для начала получит небольшую поддержку.

В окнах первого этажа, где находилась квартира, в которой он рос, горит свет. Окно его комнаты выходило на улицу. Обычно он сидел и глазел на компании ребят постарше. Его мама ненавидела этот район, но отец отказывался переехать, убежденный, что одного бегства в жизни достаточно. После его смерти Густав купил матери новую квартиру в престижном районе и после долгих переговоров с муниципалитетом и управляющей компанией сумел договориться о перестройке старой родительской квартиры и помещения под ней в досуговый центр для подростков.

– Ведите себя хорошо, – говорит он и хлопает по ладони невысокого темноволосого паренька.

Трижды стукнув в дверь, он закрывает окно и трогается с места. Подъехав к «Будве», Густав притормаживает и паркует машину рядом. Бар открылся, когда Густав был еще ребенком, и семьи из их района часто собирались там. Прекрасные воспоминания. Сейчас одним из владельцев стал Асиф, но он приходит сюда только по делу.

² Златан Ибрагимович – шведский футболист, игравший на позиции нападающего. Бывший капитан сборной Швеции. Считается одним из самых непредсказуемых и мастеровитых нападающих своего поколения.

Оглядевшись по сторонам, Густав заходит внутрь. Звякает дверной колокольчик, в баре совсем пусто и пахнет свежеподжаренными булками. В первый раз за день Густав чувствует, как он проголодался, но он слишком нервничает, чтобы поесть.

В «Будве» все по-прежнему. На некогда белых, а сейчас грязных стенах висят выцветшие плакаты с видами Балкан. Телевизор крутит один из боснийских каналов. У дальней стены в темноте на сложенных штабелями ящиках из-под газировки сидит Асиф и наблюдает за Густавом, подходящим к барной стойке.

Густав здоровается с братом и готовится к худшему сценарию. Асиф кивает в ответ.

– Мне нужна новая трубка, пришлось выкинуть предыдущую. За мной следят, – тихо говорит Густав, несмотря на то что в баре они одни.

Он распрямляет спину и сует руки в карманы брюк. Если Асиф узнает, что телефон был потерян, Густаву крышка.

Асиф встает и смотрит в окно, выходящее на улицу.

– Пять минут, – говорит он и уходит на кухню.

Густав тем временем садится за ближайший к кассе столик, двигает салфетницу, меняет местами солонку и перечницу, но ему не удается унять дрожь в руках.

А вдруг Карро нашла второй телефон и узнала что-то, чего ей знать не следовало? Неужели вся хрень из-за этого? Густав переставляет перечницу и солонку, с сомнением смот-

рит на них, возвращает обратно и берет запаянное в пластик меню, лежащее на столе.

Через несколько минут – Густав не знает через сколько – за стол подсаживается Асиф и ставит перед собой коричневый пакет.

– Сырница.

Густав смотрит на пакет, потом переводит взгляд на брата. Ему приходится сделать над собой усилие, чтобы не отвести глаза.

– Ты знаешь, где они?

– *Brate*, – обращается к нему Асиф на боснийском, кладя ладонь на бедро, – я твою семью и пальцем не тронул.

Асиф на полголовы ниже Густава и выглядит по-мальчишески из-за редкой и неравномерно растущей щетины на подбородке. Если встретить его на улице, никому и в голову не придет, что он глава «Семьи». Несколько месяцев назад Густаву пришлось попросить его о помощи, хотя он клялся матери, что никогда, никогда не будет иметь ничего общего с кланами из бывшей Югославии.

Звякает дверной колокольчик.

– Мы закрыты, – говорит Асиф таким тоном, что посетитель мгновенно исчезает. Повернувшись к Густаву, он продолжает: – Деньги надо вернуть до пятницы на следующей неделе. Народ начал уставать.

– Я работаю над этим, – отвечает Густав и кладет руки на колени, чтобы скрыть дрожь.

Что бы ни произошло, он не должен демонстрировать слабость.

– Этого недостаточно. Ты сказал, они нужны тебе на две недели, а прошло четыре месяца.

Асиф хрустит пальцами.

– Мне нужно еще немного времени.

– Ты уже получил еще немного времени. Они хотят через неделю получить три процента со своих тридцати миллионов. Я не могу тебе опять помогать. *Brate*, ты должен разгрести свое дерьмо, пока его не стало больше, понимаешь?

Густав кивает и вытирает пот со лба.

– Я все улажу. Ты получишь свои деньги, я клянусь, что получишь. Инвестиции вот-вот поступят. В общем и целом дело уже улажено. Но ты должен помочь мне найти мою семью.

– Знаешь, из-за тебя мы оказались в чертовски неприятном положении. Мы поверили тебе. А теперь по милости твоей семьи на нас направлено множество глаз, – цедит Асиф сквозь зубы. – У нас на мази одно крупное дельце, и такое внимание – последнее, что нам нужно.

– Ты думаешь, я хочу...

– Помнишь, что я сказал, когда ты решил вложиться в то дерьмовое предприятие в Бразилии? Тебе ли было не знать, чем все закончится? Знаешь, в чем твоя проблема? Тебя заносит. Слышишь? Когда много есть, хочется иметь еще больше.

Густав вздыхает, берет пакет, встает и идет к двери. Его подмывает захлопнуть ее так, что лопнут стекла, но он сдерживается и осторожно выходит из бара.

Крепко выругавшись на родном языке, Густав садится в машину.

– Проклятье! – выкрикивает он, стукнув по рулю.

Что теперь? Он делает несколько глубоких вдохов, чтобы собраться с мыслями. Заводит мотор и подает назад.

Это правда, его занесло. Инвестиции в Бразилии сгорели, и Густав, не получив никакой прибыли, был вынужден позаимствовать денег со счета своей компании, чтобы расплатиться с долгами.

Машина пропахла брынзой из пирога, который Асиф положил в бумажный пакет. Густав не в состоянии есть, ему нужен только телефон. Он пытается нащупать его в пакете и вляпывается в йогуртовый соус. Под едой Густав нащупывает трубку.

Он прячет мобильник под сиденье и направляется к дому, где живет его мама. По дороге он звонит Филиппе.

– Расмуссен объявился?

– К сожалению, нет. Они нашли твою семью?

– Нет, а что с «Бинерво»?

– Они отказались от встречи с тобой, аудитор тебе позвонит. Выглядит это все не супер. Финансовый отдел задает вопросы, на которые я не могу ответить. Цифры не сходятся, есть несколько неясных пунктов.

– С этим я разберусь.

– Речь идет о крупных суммах, Густав. Этих денег нет в наличии. В отчетности неправильно представлены транзакции...

– Ладно, пусть она мне позвонит. И назначь новую встречу с Расмуссеном. Как можно скорее.

– Я попытаюсь. Здесь была датская полиция, они забрали записи с камер наблюдения. И задавали сотрудникам вопросы от тебе и о компании.

– Окей. Что ты сказала?

– Ничего.

– Молодец, Филиппа.

Черт бы их всех побрал, думает Густав, кладя трубку. Надо найти деньги. Прямо сейчас.

* * *

В районе, где живет его мать, полно машин. Все забито людьми, которые приехали к морю посидеть на набережной, полюбоваться закатом, выкурить трубку, или что там еще можно делать. В конце концов Густаву удастся втиснуться между двумя здоровенными тачками из тех, на которых гоняет молодежь.

Он спешит войти в подъезд, чтобы не попасться никому на глаза. Нажав в лифте на шестерку, Густав осматривает себя в зеркало и едва узнает собственное лицо. Бледный, в ру-

башке с грязным изнутри воротником. Надо взять себя в руки.

Ни мама, ни Ида ему не перезвонили. Надо узнать, что Карро сказала Иде, когда звонила вчера. Ему хочется верить, что она все ему разъяснит или по крайней мере направит мысль в верное русло. Он никогда не вникал в то, о чем болтали Ида и Карро, его это, собственно говоря, едва ли могло заинтересовать, но если кто и знает его жену как облувленную, то это ее подруга.

Около двери висит табличка с фамилией Йованович. Услышав звуки в глубине квартиры, Густав ощущает, как его плечи медленно начинают опускаться.

Проходит минута-другая, прежде чем мама открывает дверь. Сначала сантиметров на десять, но этого достаточно, чтобы Густав мог рассмотреть ее через щель.

– Это всего лишь я. Чем ты занята? Привет, – говорит он, рывком открывает дверь и проходит в холл. – Я весь день пытаюсь до тебя дозвониться.

– Я только что вернулась домой. Забыла взять с собой телефон. Навещала сестру в Ландскруне, – отвечает Хасиба, снимая короткую стеганую куртку и вешая ее на вешалку.

– Зачем ты поехала к Раффи?

Его пульс снова учащается.

– Мы давно не виделись. А что?

– С чего вдруг именно сегодня?

Густав без сил опускается на диван. Это все тот же ста-

рый потертый диван, который стоял в родительской квартире. Большая часть мебели здесь новая, и лишь несколько предметов перевезено из старой квартиры, в том числе диван.

Хасиба живет здесь уже несколько лет, а дом все еще выглядит необжитым. Как будто она так и не освоила новое жилище по-настоящему. Открытая планировка и минималистский стиль с преобладанием белого в интерьере, собственно говоря, не очень подходят матери Густава. Может, ей лучше было остаться в Росенгорде. В детстве Густаву казалось, что у них тесно и комнаты загромождены мебелью, но здесь ему как-то одиноко.

– Карро и девочки исчезли. – Его голос дрожит, когда он устало наклоняется вперед.

– Я знаю, мне только что звонили из полиции. Они хотят встретиться со мной завтра, чтобы задать вопросы. Что происходит, Густав?

Морщины на ее лице кажутся глубже, чем обычно, темные тени искажают тонкие черты лица. Когда мама кладет руку на плечо Густаву, он чувствует, что больше не в силах сдерживаться, и начинает судорожно всхлипывать.

Хасиба гладит его по волосам, поднимает его голову, взявшись за подбородок, и вглядывается в лицо, как когда-то давно, когда он был еще мальчишкой и попал в полицию за то, что украл бутылку кока-колы в арабском магазинчике.

Таким же взглядом она смотрела на него, когда он сооб-

шил, что женится на Карро.

– Ты голодный? Я привезла от Раффи несколько свежееиспеченных локуми.

Мама достает из буфета пластиковый контейнер, выкладывает из него на тарелку несколько любимых булочек Густава и ставит в микроволновку.

– Сынок, я с самого начала говорила тебе, что она не пара тебе. Разве ради этого мы с папой трудились день и ночь? Если бы отец был жив... Где мои девочки? Она забрала их, Густав? Она ушла от тебя?

– Нет, мама.

– Она должна вернуться. Что она будет делать без тебя?

Микроволновка пищит, и по комнате распространяется сладкий аромат ванили.

Густав за весь день так ничего и не поел, и у него сосет под ложечкой, когда мама ставит перед ним тарелку. Каролина несколько раз пыталась печь локуми, но они никогда не получались у нее такими вкусными. Мама говорит, что нет никакого рецепта, она все делает «на глазок», а это, видимо, не всем дано.

– Как дела у Раффи?

– Хорошо. Она передавала привет, – морща лоб, отвечает Хасиба.

Она что-то скрывает. Густав уже никому не верит.

Пытаясь проглотить кусок, он ощущает резь в пересохшем горле. Смотрит в окно на кровавокрасное небо. Время

уходит. Густав отодвигает тарелку.

В их старом доме лучи солнца никогда не добирались до первого этажа. Каждый день мама говорила, что скучает по солнцу и мечтает оказаться так же близко к морю и небу, как дома на Балканах. Теперь она живет на верхнем этаже с большой террасой, откуда в ясную погоду виден даже Копенгаген. Она прожила здесь десять лет, но, насколько известно Густаву, так ни разу и не открыла ведущие на террасу стеклянные двери.

Когда Густав учился в школе, мама заявила, что их район недостаточно хорош для него. А ему хотелось только одного: продолжать ходить с друзьями в тот же класс. Он привык к проблемам, ссорам, к тому, что народ почти не говорит на шведском. Для него это и была его жизнь.

Громкое дребезжание телефона возвращает Густава из задумчивости. Он вытаскивает мобильный из кармана и отвечает на звонок.

– Это из полиции, – сообщает он Хасибе, напрягаясь всем телом.

Мать обеспокоенно смотрит на него широко распахнутыми глазами и жестами показывает, что хочет знать, о чем они говорят. Густав качает головой.

– Прямо сейчас? А что случилось? Хорошо, сейчас приеду, – говорит он в телефон и кладет трубку. – Они хотят, чтобы я приехал в управление, но отказались сказать зачем.

Густав встает и быстро обнимает мать. Ему не выдержать

очередных сюрпризов.

— Увидимся, — говорит он по-боснийски, хотя знает, что мама этого не любит.

У них дома все говорили по-шведски, а родной язык был не в чести. Его родители очень старались сделать из него «шведа», что бы это ни значило.

— Я люблю тебя, сынок.

Каролина

Пол, на котором она лежит совершенно неподвижно, холодный и шершавый. Каролина смертельно боится пошевелиться. Она не имеет ни малейшего понятия о том, где она и что вокруг. За ней наблюдают или она здесь одна?

Тело болит. Каролина осторожно поворачивается и стонет от боли, пронзающей спину до самого копчика.

Повязка, закрывающая глаза, цепляется за какую-то неровность на полу и немного сползает вниз. Каролина видит полоску слабого света над краем ткани и трется щекой о шероховатую поверхность, чтобы сдвинуть повязку. Получилось! Свет кажется настолько ярким, что Каролина от неожиданности жмурится. Осторожно приоткрыв глаза, она видит свисающую с потолка лампочку.

Осмотревшись, она понимает, что находится одна в обшарпанной комнате размером с их спальню в доме на Густавсгата, и на стене, кажется, что-то нарисовано. Какой-то ло-

готип. У желтой кирпичной стены стоит алюминиевая стремянка, по углам рассыпаны зерна. Возможно, это старый зерновой склад на заброшенной ферме, думает Каролина. Зачем ее сюда привезли? В одном углу лежит старый спальный мешок серебристо-голубого цвета. Окон нет. Только деревянная дверь с небольшим отверстием в центре.

Окошко для еды? Как в тюремной камере.

Не так давно полиция обнаружила подвал в одном из промышленных районов Мальмё, где торговцы людьми удерживали с десятков девушек из Румынии. Еду им давали через окошко в двери.

Глядя на спальный мешок, Каролина понимает, что она не первая, кто оказался здесь заперт. И лучше не думать, какие у похитителей планы. Надо выбраться отсюда раньше, чем ей придется об этом узнать.

Ее красное negligee насквозь промокло от пота. Каролина противна самой себе.

Видимо, кто-то пришел к ним в дом после того, как она легла спать. Забрали ли похитители и ее спящих малышей?

Она слышит шорох и напрягается. Что это было? Снова раздается шорох, и Каролина съеживается.

Густав

В комнате для допросов душно.

– Садитесь, – говорит Хенке.

– Что случилось?

Густав со стуком выдвигает себе стул из-под стола. Видеокамера опять направлена на него, хотя должна была бы смотреть куда угодно, но уж никак не на Густава Йовановича.

Пока Лея включает диктофон и называет номер дела и идентификационный номер Густава, он закатывает рукава рубашки.

– Вы недавно общались со своим двоюродным братом? – спрашивает Хенрик.

Судя по напряженному лицу, он готов к серьезному бою.

– Нет, мы же уже это обсуждали. Вы что, господа, забыли?

– Зачем вы ездили вчера в Росенгорд?

«Какого дьявола? – думает Густав. – Они за мной следят».

– Искал свою семью, – вздыхает Густав, глядя в ледяные голубые глаза Хенке. – Ездил повсюду и искал их по всему городу. Может, вашим сотрудникам стоит заниматься поисками моей семьи, а не слежкой за мной?

– Ваш брат Асиф смог вам помочь?

– К сожалению, нет, – опустив взгляд в пол, признает Густав.

И тут Хенке со страшным грохотом бьет кулаком по столу.

– Хватит юлить. Если солжете нам еще раз, мы поместим вас под арест. Это понятно? Скрывая от нас факты, вы подвергаете свою семью еще большей опасности – вы этого хотите?

Густав вздрагивает и мотает головой, подняв руки, словно

пытаюсь защититься от чего-то.

– Асиф вымогает у вас деньги? – вступает Лея, наклонив голову набок и глядя на него широко распахнутыми глазами, как будто выказывая сочувствие.

– Нет.

Хенке склоняется к Густаву.

– О чем тогда вы говорили?

– Я попросил помочь найти мою семью. Я в отчаянии. Неужели непонятно?

– В таком случае почему вы не сказали об этом сразу? – спрашивает Хенке и сжимает челюсти, совершенно как он делал это на футбольном поле.

– Потому что я знал, что вы это неправильно истолкуете, так как мой брат – преступник.

В Густаве закипает злоба, он встает. Сколько ему еще придется отвечать за все, что совершают его родственники?

– Я не имею никакого отношения к тому, чем занимается мой брат. С тем же успехом я мог бы осуждать вас, Хенрик, за ваши драки. Может, поговорим о том, почему вы на самом деле ушли из спорта или за что вас перевели в Мальмё?

Хенрик подскакивает со стула и набрасывается на Густава, хватая за шиворот и припирает к стене.

– Ты слишком далеко зашел, понял? – орет Хенрик, надавливая кулаком на горло Густава.

Густав закашливается, и Хенке отпускает его и отступает назад, дыша, как дикий зверь.

– Сядьте, Густав, – требует Лея, оттаскивая Хенке в сторону.

– Решили поиграть в доброго полицейского, чтобы сгладить агрессию Хенке? – тяжело дыша, говорит Густав. – Лицемеры чертовы. А что будет, если люди узнают, сколько денег отмывают на коврах твоего папаши? Или о том, что вы используете детей с их маленькими ручками, чтобы они плели ваши эксклюзивные ковры?

– Это я даже комментировать не буду. Сядьте.

Густав неохотно повинуется.

– Мы вам не враги, – спокойно говорит Лея. – Мы не можем исключить возможность, что Асиф имеет отношение к исчезновению вашей семьи, так что на вашем месте я бы проявила осторожность. Как прошел ваш разговор? Что вы обсуждали?

Густав вздыхает. Надо попытаться успокоиться.

– Я спросил, не знает ли он чего-нибудь, он сказал, что не знает. Я верю ему, он бы никогда не причинил зла моей семье. Он обещал, что будет начеку. Мы проговорили всего пару минут.

– Сообщите, когда в следующий раз будете с ним общаться, – говорит Хенрик.

Густав хочет распрямить спину, но у него нет сил, и он остается сидеть ссутулившись. Такое впечатление, что мышцы его не слушаются.

Открывается дверь, и в комнату заходит рыжеволосая по-

лицейская, прижимающая к груди кипу бумаг. Два верхних листка она кладет на стол.

– Спасибо, Мария, – говорит Лея и поворачивается к Густаву: – Сохранение истории поисковых запросов было отключено на компьютере и телефоне Каролины, так что мы ничего не нашли. В календаре есть несколько записей, которые наши эксперты расшифровать не смогли. Вам известно, что там?

Лея протягивает ему лист бумаги и показывает на записи из календаря Каролины. Несколько раз встречается сокращение «Т. Т.».

– Не знаю, может, гинеколог или еще какая-то фигня, о которой она не хотела, чтобы кто-то знал. Карро очень трепетно относится к таким вещам. Ей вечно стыдно за все.

– Что вы имеете в виду?

– Все должно быть идеально. Когда мы познакомились, она не решилась рассказать, что у нее диабет, она его стыдилась, что, конечно, совершенно ненормально. Вот и здесь, думаю, что-то вроде этого. Но я понятия не имею, что это за записи.

Лея усаживается на стол прямо перед Густавом. Так близко, что он чувствует запах ее парфюма – легкий, элегантный аромат.

– Эксперты также нашли несколько зашифрованных файлов на телефоне Каролины. Вы знаете, что это за файлы?

– Не понял, – мотает головой Густав.

– Она преобразовала текст в последовательность специальных знаков...

– Я знаю, что значит «зашифровать». Но какое отношение это...

Лея вздыхает, и они с Хенриком быстро переглядываются.

– В смартфоне и облачном хранилище Каролины есть несколько больших файлов. Исходя из их размера, мы предполагаем, что это фото и видео. Вы в курсе, что там?

– Нет, для меня это новость.

«Что за черт, – думает он. – Карро же не разбирается в шифрах».

Как бы то ни было, полиция наверняка скоро расшифрует эту хрень.

– У Каролины есть секреты от вас?

– Откуда мне знать? Наверное, есть.

Густав смотрит в сторону, сжав кулаки. Каролина явно скрыла от него что-то, и он теперь выглядит идиотом в глазах полиции.

– А у вас есть секреты от Каролины?

– Что? – Густав морщит лоб. – Нет.

– Почему же тогда Каролина подозревала, что у вас роман на стороне? – спрашивает Хенрик.

Густав переводит взгляд на него, подняв бровь.

– Что вы хотите этим сказать?

– Это простой вопрос, отвечайте.

– Да ну, с чего бы ей думать, что я ей изменяю?

– А вы что думаете?

Густав пожимает плечами – все это, по его мнению, не относится к делу.

– У нас есть доказательства, что вы с ней несколько раз ссорились в период, когда она с детьми была во Франции. Она была уверена, что у вас есть любовница, так что не делайте такой удивленный вид.

– Если честно, у Каролины паранойя, – вздыхает Густав. – Я постоянно работал, не успевал посидеть-поболтать с ней по несколько раз на дню. Карро чувствовала разочарование, но слушайте, кто-то же должен кормить семью.

– Короче говоря, вы ничего от нее не скрывали? – уточняет Хенрик, сверля Густава взглядом.

– Ничего.

– В таком случае следующий вопрос.

Хенке кладет на стол фото, которое Карро отправила Густаву в тот вечер, когда исчезла. То самое, на котором она читает девочкам сказку на ночь. Рядом Хенрик кладет фотографию из поста в «Инстаграме», где Карро выражала восхищение Риз Уизерспун.

– Эти фото сделаны в один день. Вы видите разницу?

– Вы со мной тут в игры, что ли, играете?

Густав внимательно смотрит на разложенные перед ним снимки и прекрасно понимает, что именно хочет услышать Хенке.

– Это две разные фотографии. Между ними куча разли-

чий.

– Вы, кажется, не понимаете, насколько это серьезно. Вы правда не видите, чего нет на последней по времени фотографии?

– Не вижу.

Густав понимает, на что намекает Хенрик, но он не собирается признаваться, что нашел кольцо.

– Почему она сняла обручальное кольцо?

– Она всегда так делает, оно ей немного маловато, – лжет Густав.

Хенке трет щеки ладонями, выпивает глоток воды. Он начинает уставать, но и Густав тоже утомлен.

– Эксперты расшифруют файлы, – говорит Лея, быстро вставая. – Ваши показания подтвердились, камеры наблюдения в вашем офисе зафиксировали, что вы пришли на работу вчера в семь утра и не выходили до сегодняшнего дня.

Густав откидывается на стуле.

– Надо было слушать меня с самого начала и тратить силы и время на более важные вещи.

– Позвольте нам делать нашу работу так, как мы считаем нужным.

– Ну так делайте свою работу, черт возьми, – вздыхает Густав. – Мы закончили?

– Да, – говорит Хенрик, вставая. – Пока да. Будьте на связи.

Густав не смотрит на него и выходит из комнаты, не гово-

ря ни слова. Ему надо выяснить, что за тайны были у Карро. И определенно нужно позвонить своему адвокату.

Каролина

Она вертит шеей, пытаясь разглядеть, откуда доносится шуршание, и видит маленькую мордочку, которая виднеется в одной из дыр в стремянке. Откуда-то из-за стен доносится шебуршение. Мелкие, мерзкие, пушистые твари! Самое гадкое, что есть в мире.

Каролина пытается отодвинуться от стремянки, но ей не удается проползти и полметра. Вдруг она замечает лужу крови на полу под собой, и у нее перехватывает дыхание.

Это не может быть правдой, думает она и начинает биться головой об пол.

Как это возможно? Почему ее не находят?

Густав никогда не позволил бы ей пропасть. С того момента, как она взошла на борт его личного самолета, он постоянно был рядом.

Она помнит его запах – приятный аромат чистоты, – но на лбу у Густава буквально светился диагноз – «хламидиоз».

– Как вы прекрасно выглядите, – сказал он Каролине и расстегнул свой темно-синий, идеально сидящий по фигуре костюм.

А она натянула ворот свитера на подбородок.

– Присаживайтесь, – предложил он ей и сам сел по другую

сторону стола.

Как зачарованная, Каролина повиновалась его словам и опустила в мягкое кожаное кресло. Кто-то из обслуживающего персонала подошел к ней и протянул горячее полотенце, чтобы она протерла руки. Она чувствовала стыд за то, что она сидит здесь, но вместе с тем и благодарность за то, она не осталась на борту наедине с Густавом. Она понятия не имела, на что он способен, но была уверена, что он не тот человек, который смирится с отказом.

Молодая стюардесса накрыла дивный завтрак на разделяющем их столе. Там было все, начиная от французского йогурта и клубники и заканчивая круассанами и блинами.

При воспоминании о еде у Каролины во рту набирается слюна. Сейчас у нее нет ни еды, ни воды, ни инсулина. И долго без всего этого она не протянет.

– Принесите, пожалуйста, кофе, – попросил Густав светловолосую стюардессу и задержался на ней взглядом.

Каролина не сомневалась, что между ними что-то есть. И вообще, у него точно что-то было с каждой второй девицей, которая была достаточно привлекательной для его коллекции легких побед.

– Хорошо спали?

– Да, спасибо.

От воротника свитера у Каролины чесалась шея. Банальность происходящего поражала.

– Я посмотрел фильм вчера, когда пришел домой, – с до-

вольной улыбкой сказал Густав.

– Да? Ну и как он вам?

Каролина откинулась на спинку кресла и изучающе рассматривала собеседника.

– Это фильм изменит наш образ жизни, чувства и отношение к харассменту. Надеюсь, он сможет повлиять на использование в будущем власти в отношениях между мужчинами и женщинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.